

Уроки
одолевания

Своей
соблазнительный
обман

АЛЕКСАНДРА
ХОУКИНЗ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Граф Кемпторн по прозвищу Торн никогда не интересовался Оливией, дочерью соседа по поместью. Он не понимал, как его брат-близнец Гидеон может дружить с этой дикой девчонкой. Когда Оливия, оказавшись в пикантной ситуации, обращается к Гидеону за советом, он с радостью соглашается помочь. Девушка делится с ним сердечными тайнами, не подозревая, что перед ней не старый друг, а Торн. Задумывая розыгрыш, граф и представить не мог, что Оливия такая нежная и чувственная. Как сияют ее глаза! Как соблазнительны губы! Но что будет, когда она узнает об обмане? Как покорить сердце своенравной девушки?

Александра Хоукинз

Твой соблазнительный обман

*Мужчины кто в делах, кто ищет удовольствий,
Но каждая женщина в душе распутница.*

Александр Поуп

© Alexandra Hawkins, 2017

© Jon Paul, обложка, 2017

© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Его мать, маркиза Фелстед, разослала приглашения всем ближайшим родственникам и всем соседям в радиусе тридцати километров. В целом доме не осталось ни одной комнаты, где бы не толпились гости. Чтобы расположить всех, кто предпочитал развлекаться на улице, установили большие шатры, где гости могли укрыться от солнца и перекусить.

Джастин Рив Нитервуд, граф Кемпторн — или Торн, как называли его родные и друзья, — уже давно потерял из виду свою матушку. Тем не менее он несколько не сомневался, что маркиза наслаждалась бессчетным потоком гостей и уверенно, как генерал, командовала слугами.

Он только что вышел из библиотеки, где его отец жарко, но тщетно спорил о политике с десятком друзей, отчего у Торна разболелась голова. Если бы их споры заканчивались кулачными боями, он, возможно, задержался бы подольше. Однако пятидесятишестилетний маркиз прекрасно знал, что его жена ни в коем случае не одобрила бы столь грубые проявления чувств, поэтому всегда успевал вмешаться и сгладить разногласия между друзьями.

Это на самом деле было досадно, потому что ничто не могло бы сравниться с хорошим мордобоем. Хорошая драка рассеивала невысказанные обиды, подогревала кровь и поднимала настроение. Мысли о драке заставили Торна вспомнить о своем брате-близнеце, Гидеоне. От досады он стиснул зубы. Он сожалел о своем решении приехать в Мальстер-Парк, хотя скорее отрезал бы себе язык, чем признался бы в этом. Больше нет сил быть учтивым. Наверное, пришло время признать поражение и отправиться к друзьям в Лондон.

Обиды на Гидеона немного подождут.

Торн шел по залу: лакеи в ливреях, словно стражи, стояли у каждой двери и провожали засидевшихся гостей, желавших других развлечений, или тех, кто получил указания от любовниц. Эхом раздался детский крик. Торн резко остановился, когда ему под ноги бросился двухлетний малыш. Он нагнулся, взял белокурого мальчугана на руки и попытался поймать его взгляд.

— И чей же ты будешь? — спросил он, заметив, что под белой сорочкой у крохи ничего нет.

В ответ малыш засунул в рот большой и указательный пальцы и улыбнулся.

— Вижу, ты ничуть не стыдишься своей наготы, — пробормотал Торн и был вознагражден детским щебетанием. — Давай-ка поищем твою маму, пока ты...

Спереди на сорочке у малыша появилось мокрое пятно, которое увеличивалось с угрожающей скоростью. Торн застонал, подальше отстраняя от себя ребенка. Стоящие неподалеку начали перемигиваться и хихикать, заметив, в каком затруднительном положении оказался несчастный, когда из-под описанной сорочки малыша закапало прямо на мраморный пол.

Торн бросил сердитый взгляд на стоящего рядом лакея:

— Вы не откажетесь мне помочь?

Малыш радостно засмеялся.

— Да-да! Славно ты тут повеселился, парень, — сказал Торн, отдавая ребенка слуге.

Краем глаза он увидел, что к нему приближается его девятилетняя кузина. Леди Мюриэль Олдмен была красивым ребенком — рыжеватая блондинка со светло-зелеными глазами. Ее родители — дальние родственники матушки Торна — трагически погибли во время пожара, который вспыхнул в их доме три года назад. Близких родственников не нашлось, и лорд Фелстед вызвался ее опекать. Младшая сестра Торна, Фиона, взяла сироту под свое крыло, и девочка расцвела в усадьбе Нитервудов. Торн начал относиться к ней как к еще одной младшей сестре.

— Мюриэль, ты знаешь этого малыша?

Девочка кивнула и недовольно взглянула на лужу, растекающуюся под ребенком, который вертелся, пытаясь высвободиться из рук лакея.

— Это сын миссис Степл.

— Будь хорошей девочкой и приведи его мать, — попросил Торн, доставая из кармана жилета платок, и улыбнулся малышу, — пока этот хулиган опять не сбежал. — Он наклонился и вытер мокрые носки ботинок.

Мюриэль, всегда готовая помочь, отправилась выполнять просьбу Торна. Удаляясь, она бросила через плечо:

— Я найду ее для вас. — Внезапно девочка остановилась и обернулась. — Ой, чуть не забыла.

— Что?

— Вашего брата нигде нет. — Мюриэль многозначительно посмотрела на Торна. — Леди Фелстед поручила вам его разыскать, поскольку никто не знает его лучше, чем вы.

«Я знаю его не настолько хорошо, как должен был бы», — подумал Торн.

— Немедленно отправлюсь его искать.

Выполнив поручение маркизы, Мюриэль помахала Торну рукой и поспешила на поиски миссис Степл.

Торн посмотрел на лакея, который держал описавшегося мальчугана.

— Не спускай его с рук, пока мать не объявится.

— Можете на меня положиться, милорд, — заверил лакей и поморщился — малыш ненароком лягнул его по ребрам.

Торн нахмурился, сочувствуя бедолаге. Обошел лужу на полу и вышел в открытую дверь искать своего заблудшего братца.

Через сорок минут Торн уже был зол на весь мир, включая Гидеона. Он обыскал все окрестности дома, но его брату удалось исчезнуть бесследно. К тому же каждые пять метров кто-то окликал его по имени, отбирая несколько минут драгоценного времени. И с каждой минутой его раздражение росло.

Он уже потерял счет прохожим, которые останавливали его с вопросом: «О, а где же ваш очаровательный брат? Или вы — это он?»

Всю жизнь Торну и Гидеону задавали одни и те же вопросы. Никто не мог отличить их друг от друга, если только они не решались выдать себя намеренно. Различия между ними были едва уловимыми, например чуть заметный, длиной в сантиметр, шрам от игрушечного меча на внешней стороне бедра Торна, оставшийся после шуточной дуэли в детстве, и маленькая родинка на правой ягодице Гидеона. Даже их матушка, с тех пор как запретила им гулять на людях голышом, не могла их различить.

С малых лет они с братом часто пользовались своим сходством и веселились, когда их путали. Это было сродни озорству, игре, в которой, повзрослев, они были искусными игроками.

Были до того дня, когда Гидеон заявил: он покидает Англию в поисках счастья и в путешествиях компания лорда Фелстеда ему совершенно ни к чему. Решение брата больно ранило Торна, погрузив его в беспросветную тоску, в которой он томился до сих пор.

Впервые в жизни брат оставил его наедине со всем миром. Сейчас, когда после нескольких лет разлуки Гидеон вернулся в Англию, Торн сомневался, что сможет легко подавить свое невысказанное негодование.

Только что подстриженная лужайка тянулась к саду перед террасой. В детстве они с Гидеоном бегали по этим посыпанным гравием тропинкам, исследовали сады и купались в озере, которое возникло здесь сотню лет назад. Гравий под ногами стал галькой. Озеро порой выходило из берегов и смывало гравий, поэтому матушка настояла, чтобы в глубине сада кое-что изменили. Это было десять лет назад. Сейчас над Торном возвышалась живая изгородь вдоль тропинки, ведущей к озеру. Декоративные горшки с розовыми рододендронами и белыми азаниями добавляли пейзажу ярких цветов. Три тропинки пересекались с главной дорожкой, ведущей к озеру. Одна убегала в уединенный уголок сада, где в хорошую погоду любила проводить время его матушка. Вторая — к домику, где предлагали остановиться гостям, ценившим уединение. Третья вела к храму в греческом стиле. Они с Гидеоном сражались на деревянных мечях между дорических колонн.

В знакомом, навевающем воспоминания окружении Торн должен был бы испытать облегчение, но вместо этого ощутил тревогу. словно он стоял у обрыва в преддверии очередных изменений в жизни. И был отнюдь не уверен, что ждет их и примет с готовностью. Справа в изгороди образовался просвет, и Торн ступил на деревянный настил, простиравшийся над водой. Здесь поместился бы целый оркестр, служил настил и причалом. Торн рукой заслонил глаза от слепящего солнца, взгляделся в водную гладь и заметил мужчину и женщину в маленькой лодке посреди небольшого озера. На противоположном берегу, заросшем травой, паслись овцы.

Гидеон.

Леди он не узнал. Она сидела к нему спиной, а ярко-красный зонтик скрывал верхнюю часть ее тела, пока она разговаривала с его братом.

Казалось, что парочка увлечена беседой и не замечает Торна, стоящего на деревянном причале. От досады у него свело челюсти и шею. Если бы Гидеон не отмахнулся так легко от своей семьи и друзей, которые собрались в Мальстер-Парк, чтобы отпраздновать его возвращение домой, он наверняка бы оставил брата и дальше флиртовать с девицей.

Однако мать немало потрудилась, чтобы организовать эту вечеринку для его неблагодарного брата-близнеца. По крайней мере он мог бы проявить признательность — видимо, во время путешествий Гидеон утратил представление о приличиях, и у Торна чесались руки напомнить брату о хороших манерах.

В шлюпке раздался мужской смех, который поплыл по тепловому воздуху к самому причалу.

Торн нахмурился: он не мог припомнить, когда в последний раз слышал, как смеется брат. Взгляд его задержался на женщине — он пытался разглядеть, кто же это.

Погрузившись в свои размышления, Торн пропустил момент, когда Гидеон заметил его.

— Ура! Братец! Как вовремя! Прекрасный денек, не так ли? Не думал, что можно

выманить тебя из отцовской библиотеки.

Таинственная собеседница Гидеона обернулась и немного подняла зонтик, чтобы украдкой взглянуть на Торна. Но лица ее все равно было не разглядеть.

Торн сложил руки рупором у рта и прокричал:

— Меня прислали напомнить тебе, что сегодня прием в твою честь. Может быть, стоит чуть больше подумать о нашей матушке и чуть меньше о себе самом?

Даже издали он заметил, как Гидеон нахмурился. Брат-близнец что-то прошептал своей спутнице, и она положила руку ему на плечо, стараясь успокоить.

Гидеон возвел глаза к небу и пожал плечами:

— Кажется, мы идем против ветра.

Торн очень сомневался, что ветер вообще был, когда его брат уговаривал свою спутницу прокатиться на лодке.

— Какая жалость! — притворно посочувствовал Торн. — Советую тебе снять сюртук, пока будешь грести назад к причалу. Стыда не оберешься, если полопаются швы на таком красивом облачении.

Гидеон выругался, а Торн криво усмехнулся. Через минуту лодка закачалась: Гидеон поспешно стянул сюртук и протянул его своей спутнице. Торн, выполнив просьбу матери, мог бы вернуться в дом. Однако любопытство взяло верх — он не тронулся с места. Ему хотелось познакомиться с дамой, которая очаровала его брата настолько, что тот забыл о своих обязанностях.

Гидеон не нуждался в помощи брата. Он сам вполне был способен избегать неприятностей. И этот прием — отличное тому подтверждение. Его брат был в Англии уже десять месяцев и только сейчас уступил требованиям леди Фелстед отметить его возвращение домой официальным приемом.

Скрестив руки, Торн наблюдал за Гидеоном. Как только парус на лодке был убран, его брат взял весло и начал грести к причалу. Гидеон не спешил, по-видимому опасаясь, что при быстром передвижении растреплется прическа. Размеренными движениями он прорезал толщу воды, маневрируя на маленькой лодке, пока та не скользнула всего в нескольких сантиметрах от края причала.

Торн нагнулся и потянулся за свернутой кольцом веревкой на носу лодки. Пока вязал узел, швартуя лодку, искоса взглянул на девушку. Она нарочито не обращала на него внимания. Он выпрямился и протянул руку, ожидая, пока она закроет свой зонтик.

— Возможно, я мог бы вам помочь, мисс...

Гидеон отложил в сторону весло и ухватился за причал, чтобы лодка не раскачивалась.

— Дорогая, хватай Торна за руку. Обещаю, он не кусается. Просто слишком увлекся, упрекая меня в грубости.

— Ты заслуживаешь много большего, — бросил в ответ Торн.

Девушка вздохнула, и Торн не понял, то ли ей скучно, то ли она досадует, что он вмешался. Она направила на него зонтик и сложила его, не поднимая головы. Ему оставалось любоваться ее плетеной соломенной шляпой с ниспадающими водопадом шелковыми кремовыми лентами.

Торн нетерпеливо отобрал у нее зонтик, и девушка удивленно ахнула. Она подняла голову, их взгляды встретились. Они узнали друг друга, слегка смутившись.

Почти год Торн не общался с мисс Оливией Лидалл. Ее отец, лорд Девик, владел землями, граничащими с Мальстер-Парк на севере. Мисс Лидалл была на шесть лет моложе

Торна и Гидеона и в детстве частенько пробиралась в их имение. Гидеон дружил с девочкой, Торн вел себя сдержанно. Даже несмотря на то, что у нее было два старших брата, по какой-то необъяснимой причине она предпочитала целыми днями исследовать земли Нитервудов и делиться секретами с его братом. Интересно, где все эти месяцы пряталась эта приставала? Бывало время, когда он и шагу не мог ступить, чтобы не наткнуться на девушку. Разумеется, он совершенно не удивился, что с возвращением Гидеона ее опять повлекло в их имение.

Торн сунул зонтик под мышку и протянул девушке руку.

— Мисс Лидалл, — произнес он, подзадоривая ее ответить ему отказом. С самого детства он завидовал их дружбе с Гидеоном и бывал груб с нею. Став старше, она отваживалась приближаться к нему, только когда по ошибке принимала его за Гидеона.

Ему должно было льстить то, что она его боится, однако он испытывал раздражение.

— Лорд Кемпторн, — учтиво ответила она, переводя взгляд своих васильковых глаз на его руку. Несколько темно-каштановых с медным отливом кудрей выбилось из-под шляпки. Солнечные лучи зажгли в них какой-то внутренний свет. Не ведая, что он молча восхищается ее кудрями, она встала, пытаясь сохранить равновесие.

— Осторожно, — предупредил Гидеон, крепче хватаясь за причал. — Веревка слишком слабая.

Торн переключил внимание на брата. Он удивленно изогнул правую бровь, его губы растянулись в мрачном изумлении.

— Не доверяешь моим узлам, братец?

— Что ты! Я бы не осмелился! — колкостью на колкость ответил Гидеон. — Всем известно, что наследник лорда Фелстеда безупречен во всем.

Мисс Лидалл нервно переводила взгляд с Торна на Гидеона.

— Господа! — Она балансировала руками, пытаясь удержать равновесие в качающейся лодке.

Торн цокнул языком:

— Вижу, с возрастом обида не прошла.

— Ты это о чем? — поинтересовался Гидеон.

— Ой! — Мисс Лидалл протянула им руку, но никто из братьев не обращал на нее внимания.

Торн сердито взглянул на брата:

— Скажу проще: я полагал, что время, которое ты провел вдали от Англии, закалит тебя. Я ожидал встретить настоящего мужчину, а не щенка, который продолжает жаловаться на обстоятельства своего рождения.

— Боже мой, какой же ты козел! — огрызнулся Гидеон. Ослепленный яростью, он перестал держаться за причал.

Мисс Лидалл вскрикнула, взмахнула руками в воздухе, когда лодка качнулась и стала отдаляться от причала.

— Нет! — воскликнул Торн и потянулся к ее руке, чтобы вытащить на причал.

Гидеон все испортил: он перенес весь вес своего тела на одну сторону лодки, пытаясь вновь ухватиться за причал.

Запахло бедой. На мгновение Торну показалось, что время замедлилось. Он уже коснулся пальцами руки мисс Лидалл, но из-за раскачивающейся лодки девушка подалась назад. Не думая о собственной безопасности, он второй раз попытался схватить ее за руку. Когда ему удалось уцепиться за ее запястье, Оливия негромко вскрикнула от боли и страха, а

Гидеон ухватился за ее юбку и за ногу Торна, тщетно пытаясь предотвратить неизбежное.

Все трое повалились через борт лодки прямо в воду.

Торн первым оправился от шока из-за падения в холодную воду и встал. Вода доходила ему до груди — вряд ли кто-то из них мог здесь утонуть. В нескольких метрах от него вынырнул, подняв фонтан брызг, Гидеон.

Он взвыл, затем его передернуло.

— Черт побери! От такого холода отмерзнет... — он прикусил язык, вспомнив, что рядом женщина, и начал оглядываться в поисках мисс Лидалл.

Мисс Лидалл!

Торн пошарил рукой в воде. К его величайшему облегчению, он нащупал мокрую ткань и бесцеремонно вытащил даму на поверхность.

Мисс Лидалл задыхалась и смахивала воду, которая лилась с соломенной шляпки. Отплевываясь, она воскликнула:

— Ну и холодина!

Бедняжка потеряла туфлю и, поскользнувшись, вновь ушла бы под воду, если бы Торн не держал ее крепко за руку.

— Кажется, я проглотила жука. — Она убрала налипшие на лицо шелковые ленты. — Хуже дня уже быть не может!

Торн взглянул на брата, и невидимая нить, которая всегда связывала близнецов, появилась вновь. Гидеон расплывался в медленной улыбке. Ни один из братьев не смог сдержать смех.

Сказать, что Оливия была унижена, — значит ничего не сказать.

Выходя из дома, она обещала отцу, что будет обходить неприятности стороной. До того, как графиня Грисдейл появилась в жизни Оливии и лорда Девика, отец практически не видел в дочери недостатков. А в последнее время она состояла для него из одних изъянов.

«Настоящая леди никогда не забывает об аристократических манерах и грациозности, даже когда остается в одиночестве», — одно из любимых поучений графини.

До появления лорда Кемпторна она отлично справлялась. Гидеон уже высказался по поводу перемен, происшедших с ней со времени их последней встречи, и во всех его манерах сквозила почтительность, когда он приглашал ее покататься с ним на лодке по озеру.

Сейчас же она напоминала мокрую курицу, которую граф выдернул из воды.

Она сердито посмотрела на своих кавалеров, но желаемый эффект испортили глупые шелковые ленты, прилипшие к лицу.

— Достаточно с меня унижений на один день, — заявила она, пытаясь вырваться из крепких объятий лорда Кемпторна.

Поскольку никто не обратил на нее внимания, эта попытка закончилась тем, что она снова оказалась в воде. Было неглубоко, но ростом Оливия была ниже близнецов, поэтому опять наглоталась воды. И вновь Торн ухватил ее за руку. Да с такой силой, что наверняка останутся синяки.

— Что, черт побери, ты удумала? — зарычал он.

— Возможно, вы с братом привыкли купаться весной в озере, а я — нет, — ответила Оливия, изо всех сил пытаясь не выйти из себя. — Может, вы все-таки поможете мне? Мои юбки слишком тяжелые, я не могу доплыть до причала.

Она развязала ленты и сняла шляпку.

— А ты умеешь плавать?

Оливия не могла понять, дразнит ее лорд Кемпторн намеренно или искренне удивляется тому, что она может плыть, а не просто идти камнем на дно.

— Разумеется, я умею плавать. Братья настояли, чтобы я научилась.

Но теперь, когда мокрая юбка волнами колыхалась вокруг, пока она барахталась в воде, уверенность покидала Оливию.

— Я помогу, — подошел Гидеон.

— Нет нужды, — отмахнулся от предложения брата Торн. — Я ее держу.

Он потянул ее за руку, Оливия всполошилась.

— Милорд...

Она сжала губы, чтобы не наглотаться еще больше воды из озера, когда лорд Кемпторн притянул ее к себе, отчего она еще глубже ушла в воду. Оливия сердито взглянула на Торна, с носа ее капала вода. Оставалось только гадать, не намеренно ли он притопил ее, чтобы она замолчала.

— Хватит суетиться, — буркнул Торн, прижимая девушку к своей груди. Он подхватил ее на руки, словно баюкал младенца. — Не только твои губы посинели от такой холодной воды.

Гидеон изо всех сил сдерживал смех, лишь негромко булькая.

— А я думал, только у меня ужасные манеры, — поддразнил он.

Оливия почувствовала, что заливается краской, пытаясь не думать о том, какая именно

часть тела лорда Кемпторна посинела. Она лишь крепче вцепилась в мокрую шляпку и радовалась, что граф больше не меряет ее взглядом. От такой близости было неловко обоим. Торн попытался сосредоточиться на причале, к которому пробирался.

— Минутку, — сказал Гидеон, первым достигая причала.

Он ухватился за деревянную поверхность, подтянулся на руках вверх и уперся коленом, чтобы не упасть. Затем отряхнулся от воды.

Близнецы всегда были тщеславными павлинами, когда речь шла о нарядах. «Только лучшие портные и ткани для близнецов Нитервудов», — пробормотала себе под нос Оливия. Она взглянула на руки Гидеона. Мокрое белье прилипло к нему, словно вторая кожа, подчеркивая мускулистые плечи.

— Хватит уже красоваться перед мисс Лидалл, дай мне руку, — рявкнул лорд Кемпторн.

Гидеон подмигнул Оливии:

— Торн, да ты просто ревнуешь, потому что она отдает предпочтение мне.

Смутившись от такого наглого бахвальства и от того, что ее поймали на горячем, Оливия поспешила отвести взгляд. Она почти слышала, как заскрежетал зубами лорд Кемпторн, который боролся с искушением грубо ответить своему брату, ведь этим он, скорее всего, задел бы ее чувства.

К счастью, Торн был джентльменом и не мог пасть настолько низко.

Не обращая внимания на возникшее напряжение, Гидеон нагнулся и протянул руки. Демонстрируя завидную силу, лорд Кемпторн вынул девушку из воды и передал брату.

— Вы легки как пушинка, миледи, — поддразнил Гидеон. — К тому же так красивы. Может быть, нам с вами прогуляться по лесу?

— Гидеон! — одернул брата Торн.

Пульс Оливии участился.

— Мистер Нитервуд, хватит дразнить своего брата.

— Не согласен, — протянул Гидеон. Его томный взгляд, который она перехватила, давал понять, что ее мокрое платье намного больше, чем это допускают приличия, облегает тело. — И это желание достойно награды. Когда вы в последний раз целовались?

Его губы находились соблазнительно близко от ее.

Оливия ухватила Гидеона за подбородок и отвернула его лицо от своего.

— Вы головой ударились, когда в воду упали? Перестаньте нести околесицу и немедленно отпустите меня!

Лорд Кемпторн ловко вскарабкался на причал.

— Поставь ее на землю. Вижу, вы расстроены, мисс Лидалл.

— Мисс Лидалл, лорд Кемпторн, мистер Нитервуд, — пробормотал себе под нос Гидеон. К облегчению Оливии, он послушался брата. — А раньше мы были друзьями. Когда же, черт побери, мы стали такими чужими?

Оливия ощутила, как к горлу подступил ком, — внезапная грусть грозила затопить душу. Чтобы скрыть боль, она нахмурилась и сосредоточилась на выкручивании мокрых рукавов.

Торн повернулся к ним спиной, встал на колени, чтобы убедиться, что лодка надежно пришвартована. Оливия сомневалась, что лорд Кемпторн когда-либо считал ее другом, поэтому не ожидала, что он станет отрицать, что все связывающее их разорвалось уже давным-давно.

— Мы были детьми, — негромко возразила она. Заметив разочарованный взгляд Гидеона, девушка улыбнулась. — Если вы собираетесь задержаться в Англии, возможно, мы

опять могли бы стать друзьями.

Его угрюмое выражение лица смягчилось, на нем проступило изумление.

— А я никогда не переставал быть твоим другом, Оливия.

— Держите.

Оливия недоуменно смотрела на сюртук, который протягивал лорд Кемпторн. Тот самый сюртук, который Гидеон снял и оставил в лодке.

— И теплее станет, и приличнее выглядеть будете, когда мы вернемся в дом, — объяснил Торн, не глядя на нее.

Ее окатило жаркой волной, и не полуденное солнце было тому виной. Она опустила глаза, прижала мокрую шляпку к груди. Если бы не ее корсет и нижние юбки, мокрое платье было бы таким же прозрачным, как и льняные сорочки братьев.

— Господи! — Оливия возмущенно смотрела на улыбающегося Гидеона. — И ты ничего не сказал, негодяй!

Нисколько не раскаивающийся Гидеон даже не пытался скрыть своих эмоций.

— А зачем мне было лишаться такого прекрасного зрелища?

В ответ она толкнула его обратно в воду.

Снова очутившись на поверхности, Гидеон продолжал смеяться.

— С нами, Оливия, эта чопорность ни к чему. Если хорошо подумать, мы все — одна семья.

Он вновь взобрался на причал.

— Простите меня, господин Нитервуд, но я с вами не соглашусь, — оскорбилась Оливия и выхватила у лорда Кемпторна сюртук. — А что вы скажете, милорд? — От смущения у нее охрип голос. — Вы тоже наслаждались зрелищем?

Продолжая прижимать шляпку к груди, она тщетно пыталась просунуть руку в рукав сюртука Гидеона. Не заставляя долго себя упрашивать, Торн шагнул вперед и помог ей натянуть огромных для нее размеров сюртук.

— Сомневаюсь, что мой ответ, мисс Лидалл, вас обрадует. — Лорд Кемпторн посмотрел на брата, с длинных рук и ног которого стекала вода, образуя лужицы. — И я предпочел бы избежать очередного купания в озере. Мы можем идти?

Он жестом указал на усыпанную галькой тропинку.

Не в силах придумать колкость, Оливия запахнула полы сюртука и оставила братьев стоять на причале.

И только тогда она поняла, что где-то потеряла одну туфлю.

Жалость проснулась в душе Торна, когда они с братом наблюдали, как мисс Лидалл пытается подобрать жалкие остатки собственного достоинства, с высоко поднятой головой шагая по усыпанной галькой тропинке.

Господи, выглядела она настоящей замарашкой!

Промокла до нитки, белое муслиновое платье прилипло к телу — любая монашка из Ковент-Гардена сочла бы подобное бесстыдством. Сюртук Гидеона прикрывал ее от плеч до бедер, но сам Торн мгновение назад держал девушку в объятиях. Мокрый лиф платья стал почти прозрачным, угадывались дразнящие округлости груди. Эти соблазнительные бугорки плоти были заметны, но не слишком бросались в глаза. Тело Торна отвечало на обольстительную красоту девушки, недавно побывавшей у него в руках. Его член напрягся, несмотря на холодную воду, которая притупляла любое естественное желание от вида

женских форм.

Даже несмотря на то, что этой женщиной, которая вызвала несдержанную реакцию его тела, была мисс Оливия Лидалл.

Раздосадованный Торн резко обернулся и ударил брата в плечо.

Гидеон охнул:

— За что, черт побери?

Торн покачал головой:

— Список твоих грехов бесконечен. Поспеши.

Братьям не пришлось даже ускорять шаг, чтобы догнать свою спутницу. Торн поморщился от звуков хлюпающей воды в их сапогах, когда они шли в нескольких шагах от нее.

Продолжая игнорировать братьев, мисс Лидалл рассеянно прикоснулась к мокрым волосам. Большую часть декоративных гребней она потеряла, когда стягивала свою шляпку. Потемневшие от воды волосы упали на плечи. Их кончики уже начинали подсыхать и завиваться мелкими локонами. Торн решил, что эти естественные кудряшки были довольно милы, любуясь тем, как ее волосы блестят на солнце и подпрыгивают в такт ее шагам. Конечно, от девушки пахло озером, и ее кудряшки — какими бы красивыми они ни были — требовалось тщательно расчесать, иначе, высохнув, они будут напоминать воронье гнездо.

Оливия негромко вскрикнула от боли и отвлекла его от размышлений. Когда братья догнали ее, мисс Лидалл, остановившись, наклонилась, чтобы рассмотреть свою босую ногу. Белые чулки стали грязными, а на поднятой вверх ступне в тонком шелке красовалась дырочка.

Торн про себя отметил, что разорванные чулки облегают изящные ступни и соблазнительные лодыжки. Он нахмурился, осознав, какое направление приняли его мысли.

— Что? Вы поранились? — спросил Гидеон, пока Торн соображал.

— Всего лишь острый камень, мистер Нитервуд, — ответила она, раздраженно вздохнув. — Чулки уже не спасти. Это уже третья испорченная пара за эти дни.

Оливия возбудила любопытство Торна, но он не решился расспрашивать о подробностях.

— Позволь мне взглянуть, — попросил Гидеон, опускаясь перед ней на колени, чтобы осмотреть ногу. Он наклонил голову и осторожно осмотрел ранки на ноге. Не поднимая головы, он произнес: — Наши семьи слишком близки, чтобы нам мешали формальности. Если ты будешь называть меня по имени, я буду знать, что ты действительно простила меня за беспечность.

Она нервно оглянулась на Торна, чувствуя, что тот будет недоволен, если она позволит такие вольности. Не зная, как вести себя дальше, она похлопала Гидеона по плечу.

— Мне не за что вас прощать. Умоляю, встаньте, сэр. Вы меня смущаете. Моя нога не стоит вашего внимания. Я просто испугалась.

Гидеон медленно распрямылся и взглянул на Торна. Оба прекрасно видели, что она намеренно игнорирует его предложения отбросить все условности. Гидеон казался немного раздосадованным, но не из-за мисс Лидалл.

Торн почувствовал, что брат во всем винит его.

Как же это похоже на Гидеона.

— Тут уже ничем не поможешь.

На лице девушки отразилось удивление.

— Чему не поможешь?

— Нельзя идти в поместье в одной туфле, — объяснил Гидеон. — Я понесу тебя на руках.

— Гидеон, я не... — начал Торн.

— Очень любезно с вашей стороны, но нет... — возразила мисс Лидалл.

Гидеон подхватил мисс Лидалл на руки.

Она пискнула от удивления и обвила руками его шею.

— Гидеон!

— Ах, милая Оливия, я знал, что ты не сможешь вечно на меня сердиться, — поддразнил он и подмигнул Торну.

Торн покачал головой. Они продолжали шагать по усыпанной галькой тропинке.

— Это смешно. Опустите меня на землю сейчас же, — поджала губы мисс Лидалл. — Я слишком тяжелая.

— Ты легка как пушинка, — не согласился Гидеон. — С прекрасной дамой на руках я могу пройти километры.

— Тогда поставьте меня на землю и найдите себе прекрасную даму, — сказала она, брыкаясь, чтобы он замедлил шаг. — Если кто-то увидит нас вместе, унижения мне не пережить.

— Значит, ты слишком хороша, чтобы быть замеченной в нашей компании, да? — спросил Гидеон.

— Ох, не перекручивайте мои слова, — воскликнула мисс Лидалл. — Будет очень сложно объяснить, почему я упала в озеро. А если меня увидят рядом с вами двумя, проблем возникнет еще больше.

— Это же была случайность, мисс Лидалл. Кто рискнет бросить нам вызов? Ваш отец? Ваши братья? — настаивал Торн, когда она ничего не ответила.

Оливия покачала головой.

— Леди Грисдейл.

— А ей какое дело?

Торна в прошлом сезоне представили этой тридцатипятилетней вдове. Знакомство ничем не запомнилось, поэтому подробностей разговора он не припоминал.

— Графиня устала вдовствовать и решила, что из моего отца выйдет сносный супруг, — призналась она.

— Ты шутишь? — удивился Гидеон.

— Как бы я хотела, чтобы это было шуткой, — сказала она, вглядываясь в горизонт. — Кажется, мой отец... не устоял перед ее чарами. И в знак своей привязанности леди Грисдейл пообещала взять меня под свое крыло, чтобы повисить мои шансы на ярмарке невест.

Для девушки, которой большую часть жизни не хватало материнской ласки и внимания, мисс Лидалл казалась не слишком счастливой от осознания перспективы обзавестись помощницей для ловли супруга в мутных водах высшего света.

— Вот, значит, чего ты хочешь? — негромко уточнил Гидеон. — Надеешься найти себе мужа?

Мисс Лидалл пожала плечами:

— До нынешнего года я об этом как-то и не думала. В конечном счете, скоро мне стукнет двадцать. Осталась всего пара лет, прежде чем я официально смогу называть себя старой девой. Согласны?

Гидеон засмеялся от такого нелепого вопроса:

— Вполне, моя милая леди.

— А ваш отец тоже хочет выдать вас замуж? — ровным голосом поинтересовался Торн.

Очередное осторожное пожатие плечами.

— Лорд Девик — мой отец — рад оставить подобные дела на откуп графине. — Оливия задумчиво прикусила нижнюю губу.

— Что ты нам недоговариваешь, Оливия? — спросил Гидеон.

— Гидеон, пожалуйста, опусти меня на землю. Я не могу думать, находясь у тебя... просто поставь меня на землю, — взмолилась мисс Лидалл.

Гидеон колебался: он мысленно рассуждал, уважить ее просьбу или поступить так, как, по его мнению, будет лучше для нее самой. Торну стало совершенно очевидно, что ни время, ни расстояние ничуть не сказались на чувствах Гидеона к этой девице. Если его брат не будет осторожен, то наживет себе неприятностей с этой Оливией.

Напряженные хрупкие плечи мисс Лидалл расслабились, когда Гидеон наконец опустил ее на землю.

— Спасибо. Можем идти дальше?

— Вы так и не ответили на вопрос моего брата, мисс Лидалл.

Она раздраженно взглянула на Торна:

— Неужели вам действительно интересны мои проблемы, лорд Кемпторн?

«Когда твои проблемы связаны с моим братом — разумеется!»

— Естественно. Как уже говорил Гидеон, вы для нас почти как родная, — солгал Торн.

— Знаете, — выдавила из себя девушка, — несмотря на все заверения отца, я не верю, что леди Грисдейл действительно руководствуется моими интересами.

Гидеон переплел свои пальцы с ее пальчиками.

— Ты уверена? Я с этой дамой незнаком.

Торн заиграл желваками, завидуя той легкости, с которой его брат примерял роль друга и защитника.

— Когда мы наедине, она постоянно надо мной насмехается. Она считает, что я все делаю не так, — призналась мисс Лидалл, и тоска в ее голосе тронула даже холодное сердце Торна. Оливия продолжала шагать по тропинке, братья — следом.

— Что за чушь! Ты чудесная девушка. Любая дама гордилась бы такой дочерью, — заверил ее Гидеон — уже самый преданный ее защитник.

— Вы слишком добры. — Они с Торном встретились взглядами, Оливия глаз не отвела, словно бросая ему вызов и понуждая возразить брату.

Торн ожидал увидеть в девичьих васильковых глазах обиду, но мисс Лидалл, казалось, была вне себя.

Она перевела взгляд на Гидеона.

— Леди Грисдейл не в матери мне набивается, Гидеон. Я для нее просто помеха. Она спит и видит, когда я выйду замуж и уеду из отцовского дома.

— А с отцом вы говорили? — поинтересовался Торн.

Мисс Лидалл кивнула:

— Один раз попыталась. Однако он без ума от графини и не видит в ней изъянов. Кроме того, эта дама тщательно следит за собой, когда общается со мной при отце. Если ему придется выбирать между нами — мной и женщиной, которую он мечтает повести под венец, — я точно проиграю.

Трудно было не посочувствовать девушке, которая росла без матери и рискует вскоре потерять и отца, вознамерившегося снова жениться.

Гидеон сцепил зубы и прищурился, явно что-то для себя решив.

— Мы должны что-то предпринять.

«Нет!» — подумал Торн. У его брата была плохая привычка выставлять себя дураком, когда речь заходила о женщинах. Он не позволит ему ввязываться в семейные проблемы мисс Лидалл.

— Тут уже ничего не поделаешь, — ответила она, явно покоровшись судьбе. — Именно поэтому я хочу избежать любой конфронтации с отцом и графиней. Случившееся сегодня только послужит подтверждением того, что я для отца — помеха.

Она с тоской взглянула на тропинку, ведущую к домику.

— А в домике не хранятся старые платья? Может быть, я могла бы переодеться, прежде чем мы...

Торн покачал головой, отмахиваясь от ее предположения.

— Все старые платья мама отдает слугам.

— А может, я могла бы позаимствовать платье у кого-то из гостей?

— Наша матушка решила, что в этом домике лучше расположить холостых джентльменов. Если у них обнаружится женское платье или, хуже того, вы натянете чьи-то бриджи, это вызовет еще больше кривотолков, чем наше появление в доме в мокрой одежде, — сказал Торн, развеселившись при виде того, что она заметно поникла, когда он лишил ее надежды на мужские штаны. Хотя если бы Оливия надела бриджи, он мог бы разглядеть ее ножки.

«Расставляй приоритеты, Кемпторн», — мысленно пожурил себя граф.

Где-то вдалеке все трое заметили, как некая парочка пересекла дорожку и исчезла за изгородью.

Мисс Лидалл обернулась к братьям. В ее глазах читался неподдельный испуг.

— Я не могу.

Гидеон шагнул ближе:

— Оливия, а что нам остается?

— Я могла бы вернуться домой, — предположила она, ей все больше нравился собственный смешной план.

— Мисс Лидалл, не будьте трусихой, — Торн безжалостно лишил ее надежды. — Вы не можете прошагать несколько километров в одной туфле. Да и мы этого не позволим.

— Я готова рискнуть, — заупрямилась она.

Он сердито взглянул на девушку:

— Только попробуйте, и я войду в дом, неся вас на своем плече.

— Торн! — возмутился Гидеон.

Мисс Лидалл вздернула подбородок:

— Вы не посмеете!

Гидеон попытался встать между ними.

— Мой брат никогда бы не унизил вас...

— Я сам могу сказать за себя, Гидеон. — Торн подошел ближе, ужасая всех своим ростом. — Не испытывайте мое терпение, мисс Лидалл, иначе вы пожалеете о последствиях.

Он ждал ее решения.

— Вы бесчувственный человек, лорд Кемпторн, — уступила она, от негодования поджав

губы.

Его глаза довольно сверкнули.

— Тогда мы поняли друг друга, мисс Лидалл. Только подумайте, скольких недопониманий мы избежим в этом сезоне.

Ее губы задрожали, но она проглотила эту колкость. Развернувшись, Оливия молча зашагала прочь от братьев.

Никогда еще Оливия не ненавидела лорда Кемпторна больше, чем в эту минуту.

Он был властолюбив, бездушен и противен. Ей было жаль Гидеона, которого с таким бессердечным человеком связывали кровные узы.

Злость придала ей сил идти дальше. Извинения Гидеона и его попытки ее успокоить лишь раздражали слух. Только *он* занимал ее мысли. Она видела лишь торжествующий блеск в глазах лорда Кемпторна, высокомерно изогнутый уголок его рта, из головы не выходила неслыханная его дерзость, когда он грозил перебросить ее через плечо и так понести, если она его слушается.

Ослушается *его*.

Такая грубость переходила уже все границы.

— Сама подумай! — обхаживал ее Гидеон, когда галечная тропинка закончилась и началась посыпанная гравием дорожка. — Если ты думаешь, что я позволю тебя и дальше...

— Нет уж! Спасибо! — резко ответила она.

Охватившее ее возмущение помогало терпеть дискомфорт, который причиняли острые камни босой ногой.

— Вот упрямица! — пробормотал лорд Кемпторн.

— А вы вообще можете ступать к черту, милорд! — беспечно бросила она через плечо.

Оба джентльмена замолчали, когда она замедлила шаг и хромота стала заметнее. Оливия шагала вдоль изысканных висячих садов леди Фелстед, не переставая восхищаться цветами. Она не обращала внимания на любопытные взгляды и негромкие удивленные возгласы гостей, которых их трио все чаще с приближением к дому стало встречать на своем пути.

Когда закончилась посыпанная гравием дорожка, девушка ступила на лужайку и едва не застонала от облегчения. Вся ступня была в синяках, и Оливия сомневалась, что чулки можно будет зашить. Однако она почувствовала некое удовлетворение от того, что смогла вернуться в дом, не позволив Гидеону нести ее на руках, словно беспомощного агнца.

Если бы не возмутительное поведение лорда Кемпторна...

Неужели он намеренно выводит ее из себя? От неожиданного прозрения Оливия оступилась. И не успела она испугаться, как почувствовала, что Торн схватил ее за руку, помогая удержаться на ногах. Она вздрогнула от его прикосновения. Он пробормотал извинения и отпустил ее руку. Оливия даже не предполагала, что он следует за ней буквально по пятам и так пристально за ней наблюдает.

Оливия оглянулась через плечо, но лорд Кемпторн смотрел куда-то перед собой. Даже непредвиденное купание в холодном озере не смыло чопорности с его лица. Казалось, что происходящее вокруг его совершенно не интересует.

Включая и саму Оливию.

Какая чушь! Этот человек так же холоден и бесстрастен, как рыба в озере.

— Ой-ой! — покачала головой женщина средних лет, когда Оливия, Гидеон и Торн приблизились к задней террасе. — Несколько прохладно для купания. Какая неприятность приключилась с вами троими?

— Небольшой несчастный случай на лодке, — ответил Гидеон, положив руку на спину Оливии, когда та застыла на месте. — Очень любезно с вашей стороны поинтересоваться

нашим благополучием.

Оливия прерывисто вздохнула. Эту женщину абсолютно не интересовало их благополучие. По ее многозначительному взгляду было понятно: она решила, что все трое совершили нечто безнравственное.

Гидеон легонько подтолкнул Оливию вперед. На террасе их окружали любопытные взгляды, удивленные лица, вопросы и участливые вздохи по поводу их ужасного вида. Оливия бочком отодвинулась от Гидеона, и в ее голове мелькнула мысль бежать, но путь ей тут же преградил лорд Кемпторн.

— Вы же не робкого десятка, мисс Лидалл, — прошептал он ей на ухо. — Докажите это. От таких слов Оливия замерла и вздернула подбородок.

Неужели она не решила для себя, что всему виной граф?

Никто не приближался к ним, пока они шли к открытым дверям в бальный зал. Оливия со своими кавалерами прошла сквозь толпу гостей, которая увеличивалась подобно мыльным пузырькам в грязной воде в ванне. Вокруг них царили недоумение и любопытство, но все держались на безопасном расстоянии. Она не могла никого винить, потому что с их одежды продолжала стекать вода. Или... Она поморщила носик, понюхав свое левое плечо... От них воняло тухлой рыбой и старыми сапогами.

Она услышала, как в глубине зала кто-то распорядился принести одеяла.

— Торн! Глазам своим не верю! Это вы? — остановил их радостный женский возглас.

До этого момента Оливия ни на кого не смотрела, находя успокоение в легкой дымке вокруг. Однако знакомый голос вернул ее в неприятную реальность, от которой она предпочитала укрыться, — леди Миллисент Атсон.

Двадцатичетырехлетняя красавица была старшей дочерью лорда и леди Флеветт. Их имение граничило с Мальстер-Парк на юго-востоке, поэтому Оливия с детства была знакома с этой молодой леди.

Вот только она всегда считала леди Миллисент далекой соседкой... и приставалой. С детства она бегала за братьями Нитервудами и сразу же невзлюбила Оливию. Гидеону и Торну нравилось флиртовать с темноволосой красавицей, когда та приходила с визитом, но вскоре стало совершенно очевидно, что свои силки она расставила для лорда Кемпторна.

Немного уязвленный безразличием красавицы, Гидеон как-то вечером, наблюдая, как несколько дам заигрывают с молодым наследником лорда Фелстеда, признался Оливии:

— Красавица, которая стремится выйти замуж за титулованного джентльмена, никогда и не взглянет на второго сына.

Разумеется, многие из этих дам находили утешение в объятиях Гидеона, если лорд Кемпторн не достаивал их внимания или переключался на новые завоевания.

Оливии следовало бы догадаться, что леди Миллисент с семьей обязательно будет присутствовать на этом приеме. И хотя с годами юная леди и Торн утратили былую привязанность, она ни за что не упустила бы возможности пофлиртовать с лордом Кемпторном.

— Леди Миллисент, — сердечно приветствовал ее граф.

— Боже мой, это все-таки вы! — слишком радостно для случайной встречи воскликнула леди Миллисент. — Я едва вас узнала. — Она нехотя перевела взгляд с лорда Кемпторна на его брата. — Нитервуд, рада вновь видеть вас.

— Леди Миллисент, — поклонился Гидеон, приветствуя даму.

— Пока вы отсутствовали в поисках приключений, мы с семьей каждый день

вспоминали вас в своих молитвах, — призналась она, вновь обратив взор на Торна. — Мы так обрадовались, когда леди Фелстед сообщила нам о вашем возвращении. Не могу вам передать, как расстроилась моя матушка, что вы не навестили нас прошлым летом.

Оливия почувствовала, как напряглись пальцы на руке Гидеона, которая лежала у нее на спине.

— Пожалуйста, передайте мои извинения вашей семье, леди Миллисент. Сожалею, что не смог вернуться домой раньше.

Холодность его тона подчеркивала, что он недоволен попыткой леди Миллисент задержать их и тем, что она откровенно не замечает присутствия Оливии.

— Вы сбились с пути? И упали в озеро? — поддразнила леди Миллисент. — Наверное, Торн тоже потерял обувь, когда вас спасал.

— Не совсем так, — ответил граф, и от его ледяного тона Оливия вздрогнула.

Она попыталась ускользнуть от своих спутников, но сзади подошел один из слуг и набросил ей на плечи шерстяное одеяло. Еще двое принесли одеяла для лорда Кемпторна и Гидеона.

— Благодарю, — пробормотала она, едва заметно улыбнувшись лакею. — Как полагаете, я могу подняться наверх и...

— Как ни крути, мисс Лидалл тоже пострадала, — продолжал лорд Кемпторн, слегка удерживая ее за руку, чтобы она не сбежала. — Вы же узнаете одну из ваших соседок, не так ли?

Осознав, что граф сейчас говорит о ней, Оливия подняла голову, но сам Торн сосредоточил внимание на леди Миллисент.

Последняя нацепила фальшивую улыбку и встретилась с настороженным взглядом Оливии.

— Ну разумеется. Прошу меня простить, мисс Лидалл. Должна признаться, что не узнала нашу Оливку-мальшку из-за мокрых волос, мужского сюртука и этой грязи. Приняла вас за одного из мальчишек, что в услужении у леди Фелстед.

Кто-то из зевак засмеялся в ответ на ее колкость.

Оливия потупила взгляд, потопталась, чтобы спрятать босую ногу за грязной туфлей. Одеяло скрыло ее мокрую мятую шляпку, но не злость и стыд, от которых тут же заплыли ее щеки.

— И неудивительно, леди Миллисент! Ведь все восхищаются умом вашей младшей сестры, если не ошибаюсь?

Оливия мягко высвободила руку из рук графа и прошла мимо застывшей в безмолвии дамы.

Она услышала, как лорд Кемпторн закашлял в кулак. Гидеон же и не потрудился скрыть смешок. Оливия обычно не опускалась до подобной низости, но обращение «Оливка-мальшка» нельзя было прощать. Это старое прозвище не от большой любви дала ей леди Миллисент с подружками.

— Мисс Лидалл, подождите.

Она послушалась просьбы Торна и продолжала идти через зал, направляясь к ближайшей двери. За ней по пятам следовали двое слуг, пытаясь вытирать лужи, которые образовывала стекающая с ее платья вода. Оливия была уверена: как только леди Фелстед узнает о случившемся, для пострадавшей тут же найдется сухое платье.

Она покинула зал и тут же наткнулась на даму, которая уже к концу года намеревалась

выйти замуж за ее отца.

— Оливия Лидалл! Я требую объяснений! Немедленно! — рявкнула Ненн Метью, графиня Грисдейл, уже примеряя на себя будущую роль мачехи Оливии.

Она овдовела пять лет назад и обладала уверенностью женщины, которая знала себе цену и не боялась брать то, что хотела. Ее высокая гибкая фигура привлекала мужчин и моложе, и старше ее, и, появившись в Лондоне в октябре прошлого года, она вызвала немалый переполох своей склонностью к смелым нарядам и мужчинам, пользующимся дурной репутацией. Ей приписывали связи с бесчисленными любовниками, но часто видели с одним графом, который был на десять лет моложе ее. Он потратил на графиню небольшое состояние, включая сапфировое ожерелье под цвет ее глаз. Через пару недель после того, как они официально расстались, графиня уже щеголяла в бриллиантовых серьгах — подарке одного итальянского графа. Еще через месяц она уже была обручена с испанским маркизом, но поспешно разорвала отношения, когда тот избил ее за флирт с другим джентльменом.

Между страстными романами и обручениями леди Грисдейл представили отцу Оливии, и у них завязалась дружба. Хотя официально о помолвке графини и лорда Девика объявлено не было, дама не принадлежала к числу тех, кто позволил бы такой мелочи помешать прибрать к рукам имение барона или его семьи.

К сожалению, ее отец был настолько очарован этой дамой, что ни в чем не мог ей отказать.

— Пристань оказалась скользкой, — солгала Оливия, решив, что любое объяснение, в котором будут фигурировать имена близнецов Нитервуд, не порадует графиню. — Я хотела попросить леди Фелстед, чтобы она позволила мне переодеться, пока не высохнет мое платье.

С самого дня их знакомства леди Грисдейл дала понять, что она не в восторге от беспечности Оливии. Она считала дочь своего любовника бесхребетной, хотя более колкие замечания приберегала до того момента, когда они оставались одни.

— Вы не станете беспокоить леди Фелстед, — сказала графиня. — У нее гости и есть дела поважнее, чем хлопоты вокруг юной леди, которая спотыкается.

— Я не... — она проглотила возражение. Леди Грисдейл терпеть не могла тех, кто хнычет.

Будущая мачеха опустила взгляд на ноги Оливии и от удивления даже рот раскрыла.

— Где ваша туфля?

Оливия старалась не заплакать.

— В озере потеряла.

Графиня покачала головой.

— И как прикажете поступить вашему отцу, юная леди? Вы испортили прекрасное платье и похожи сейчас на... — Она взмахнула руками, не в силах подобрать слова, чтобы описать ужасный вид Оливии.

— Все произошло случайно, — спокойно объясняла девушка.

Их беседа уже привлекла небольшую группку зевак. На прием к лорду и леди Фелстед явилось слишком много гостей, и леди Грисдейл сомневалась, что найдется свободная комната, чтобы она могла пожуричь будущую падчерицу с глазу на глаз.

— Прошу прощения за то, что поставила вас с отцом в неловкое положение, — извинилась она в надежде успокоить графиню.

— Я обещала взять вас под свое крыло, но даже мне не дано творить чудеса, —

сокрушалась графиня. — Придется отослать вас домой.

Оливия с облегчением кивнула:

— Конечно. Я переоденусь и вскоре вернусь.

— Не стоит торопиться. Вы не вернетесь в Мальстер-Парк, — решила графиня и прищурилась, когда заметила, что Оливия собралась возразить. — Вы выставили себя посмешищем из-за собственной неловкости, и я не смогу избавить вас от дальнейшего позора. Слава Богу, что вы с отцом вскоре уезжаете в Лондон. Если повезет, я уверена, мы сможем найти парочку холостых джентльменов, которые не присутствовали сегодня на балу.

Как бы Оливии ни хотелось в этом признаваться, ее мало привлекала перспектива еще раз перекинуться словом с леди Миллисент. Она была уверена, что лорд Кемпторн тоже не обрадуется при виде ее.

— Вы правы, миледи. Я должна немедленно вернуться домой.

— Чего это? Нет нужды уезжать, — сказал Гидеон, подслушав ее последние слова.

Оливия обернулась и увидела, что к ним приближаются Гидеон и лорд Кемпторн. Братья одинаково хмурили брови, что могло бы рассмешить, если бы это не она вызвала их недовольство. За их спинами Оливия заметила леди Миллисент и еще десяток гостей.

Глаза леди Грисдейл округлились от удивления, когда она осознала, что Оливия не поведала ей всей истории своего падения в озеро.

— Оливия, что вы наделали?

— А вы кто, мадам? — поинтересовался лорд Кемпторн, пристально вглядываясь в лицо дамы.

— Леди Грисдейл, милорд, — сделала реверанс вдова. — Я имела удовольствие быть представленной вам в прошлом сезоне. Со времени нашего знакомства мы с лордом Девиком обручились, и я надеюсь, что вы воспримете меня как близкого друга вашей семьи.

Граф изогнул брови в изумлении от дерзкого ответа графини.

— Если вы друг семьи, то должны знать, что мисс Лидалл не способна ни на какие проступки, миледи, — заявил он, удивив Оливию тем, что встал на ее защиту. — Боюсь, что во всем виноват я.

— Ты слишком великодушен, брат. Во всем виноват я, — возразил Гидеон. — Мы пришли извиниться и как-то это компенсировать.

— В этом нет необходимости, — поспешно ответила Оливия.

Графиня была особой подозрительной, и мало кто мог разубедить ее, если она что-то решила.

— Я согласна. Очень благородно с вашей стороны встать на защиту мисс Лидалл, но мы уже решили, что ей лучше вернуться домой.

— Ерунда! — отмахнулся Гидеон, подмигнув Оливии. — В доме полно гостей, обязательно найдется кто-то, кто сможет одолжить ей платье. Наша матушка будет настаивать. Оливия — практически член нашей семьи.

— Ну да! Ну да! — пробормотал лорд Кемпторн, чем заслужил пренебрежительный взгляд брата.

— Мое платье ей не подойдет, — заявила леди Миллисент, ни к кому конкретно не обращаясь.

Со стороны Гидеона было очень любезно встать на защиту старой подруги, в этом леди Грисдейл была права. Через пару часов все будут знать о случившемся, а разговоры и подтрунивания только подольют масла в огонь негодования.

— Нет, я... — прокашлялась Оливия.

— Я только что узнала от слуг, что... святые небеса, Оливия, это ты та бедняжка, которую чуть не утопили мои сыновья? — В зал вошла леди Фелстед и заключила Оливию в теплые объятия, одновременно вглядываясь в лица сыновей.

Лорд Кемпторн и Гидеон попытались принять невинный вид.

— Глупая случайность, — прошептала Оливия, прижавшись к пышной груди хозяйки. — Никто не пострадал. Я просто возвращаюсь домой.

Вперед шагнула леди Грисдейл:

— Мы с лордом Девиком считаем, что так будет лучше всего.

И не имело никакого значения, что сам лорд ни сном ни духом не знал о случившемся с дочерью.

Леди Фелстед посмотрела на графиню, словно та обратилась к ней на иностранном языке.

— Никто домой не поедет! — заявила маркиза, обращаясь к Оливии. — У нас сундуки набиты платьями. Обязательно найдется что-то тебе впору.

И, не дожидаясь согласия, она повела Оливию к лестнице.

— Ты, должно быть, замерзла. Пошлю сейчас кого-то наполнить ванну. И принести чаю. Тебе сразу станет лучше, когда ты согреешься и переоденешься в сухое. Я лично прослежу за этим.

Оливия оглянулась через плечо и заметила, что Гидеон следует за ними. Лорд Кемпторн не двигался и с бесстрастным выражением лица смотрел им вслед. С другой стороны леди Грисдейл не скрывала злости из-за того, что ее планы разрушила хозяйка дома.

— Мама, нужно приказать наполнить еще одну ванну, — весело заявил Гидеон. — Если только ты не думаешь, что мы с Торном будем делить ванну с Оливией.

— Делить ванну? — пробормотала маркиза и рассмеялась. — Вот так денек! Оливия, будь поосторожнее с моими сыновьями. Оказывается, они превратились в настоящих негодяев.

Взглянув напоследок на графа, Оливия сказала:

— Я буду иметь это в виду, леди Фелстед.

Несколько часов спустя утих переполох, вызванный Торном, Гидеоном и мисс Лидалл, и гости лорда и леди Фелстед отправились искать себе другие развлечения. Горячая ванна и сухая одежда подняли Торну настроение. Брат его часом ранее скрылся в комнате, где играли в карты. Проходя мимо гостиной, он видел со спины мисс Лидалл — та беседовала с его семнадцатилетней сестрицей. Голубое платье, в которое она переделалась, скорее всего, принадлежало Фионе, хотя, по его предположению, служанке пришлось потрудиться с корсетом, чтобы стянуть пышную грудь Оливии.

Их неожиданное купание в озере показало, что стройная фигурка мисс Лидалл за пару лет по-женски округлилась. Сколько же ей сейчас? Восемнадцать? Торн мысленно подсчитал. Нет, она на шесть лет моложе их с Гидеоном и у нее скоро будет день рождения. Ей исполнится двадцать лет. За годы отсутствия Гидеона, с тех пор как он покинул Мальстер-Парк, мисс Оливия из девочки превратилась в настоящую женщину.

Интересно, а Гидеон это заметил? «Разумеется, заметил!» — подумал Торн, с губ его слетел безрадостный смешок. И это еще одна деталь, которая объединяла их с братом. Их внешность всегда привлекала внимание женщин, и некоторые особы, склонные к приключениям, позволяли покорить себя не только в постели, но и за ее пределами. Например, была одна вдова, которую он до сих пор вспоминает с нежностью, хоть она и променяла их с Гидеоном на какого-то герцога.

— Так мужчина может смотреть только на женщину.

Торн еще больше расплылся в улыбке, узнав голос своего кузена Матиаса Рука, маркиза Фейрлэма, который был на два года моложе Торна. Когда они все были помладше, леди Фелстед время от времени сокрушалась, что он плохо влияет на ее сыновей-близнецов. Торн обернулся и увидел, что Шанс — именно так прозвали кузена — не один. С ним была красавица жена Темпест и ее младшая сестра Арабелла.

— Шанс! Вот так сюрприз! — воскликнул Торн, поспешно обнимая кузена и отступая назад, чтобы поприветствовать остальных. — Вот уж не ожидал увидеть тебя и твою прекрасную маркизу до своего приезда в Лондон.

Зная наверняка, что этим он вызовет недовольство кузена, Торн похлопал маркизу по руке и нежно ее обнял. Поверх ее плеча он ласково улыбнулся Темпест, заметив сердитый взгляд Шанса.

— Отпусти мою жену, Кемпторн, — велел Шанс, обвил ее руками за талию и отстранил от Торна. — Если хочешь пообниматься с дамой, ищи себе невесту.

Торн подмигнул двадцатилетней Арабелле — девушка тут же зарделась — и доверительно прошептал ей:

— Вот и вся благодарность за то, что я помог ему похитить даму сердца и сбежать с ней. В ореховых глазах блондинки вспыхнули озорные искорки.

— Вы с приятелями оказались лихими разбойниками.

Шанс ухаживал за леди Темпест тайно. Отец маркиза, герцог Блекберн, и отец леди Темпест, маркиз Норгрейв, еще в юности разорвали дружеские отношения, и эта вражда между двумя джентльменами разделила светское общество. Многие годы все только и гадали, что же заставило двух мужчин снизойти до рукопашной. Большинство полагало, что причиной их непримиримой вражды стала супруга герцога Блекберна, поскольку та вышла за

него замуж вскоре после размолвки этих двоих. Однако ни семья Рук, ни семья Брант не желали открывать свои тайны, поэтому несколько десятилетий держались друг от друга на расстоянии, пока Шанс не встретил леди Темпест.

Между ними тут же вспыхнули чувства и поглотили обоих. Отмахнувшись от разумных советов, Шанс стал добиваться Темпест, и когда ее семья попыталась их разлучить, он попросил Торна и еще парочку своих друзей похитить девушку, чтобы молодые влюбленные смогли пожениться. Ни Рук, ни Брант этому браку не обрадовались, а лорд Норгрейв даже попытался провести Шанса и аннулировать брак. Возможно, семьи так никогда и не смогут забыть о своей вражде даже во имя счастья своих детей. Однако Шанс и Темпест решительно настроены не дать враждующим семействам разрушить их счастье.

Торн лишь удивился, увидев леди Арабеллу в компании ее сестры и Шанса. Нанести визит Фелстедам — все равно что подать руку врагу. Он слышал, что лорд и леди Норгрейв в первые месяцы замужества Темпест не разрешали младшей сестре с ней общаться.

— К сожалению, время разбойничества прошло. Я пообещал в этом сезоне быть солидным джентльменом, — сухо сообщил Торн.

Шанс, Темпест и ее сестра засмеялись, услышав столь неприкрытую ложь.

— Держу пари, сложно быть верным подобному обещанию, особенно после возвращения твоего братца, — сказал Шанс.

Торн пожал плечами. В отчаянной попытке сменить тему он посмотрел на Темпест, ища поддержки.

— Моя дорогая кузина, вы уже представили свою сестру остальным членам нашей семьи?

Маркиза чуть прищурила ореховые глаза, словно чувствовала скрытые мотивы в его невинном вопросе.

— Не всем. Арабелле все не терпится познакомиться с вашим братом.

— Темпест! — прошипела девушка и сердито взглянула на сестру, смутившись от разоблачения своего любопытства.

Маркиза наклонилась ближе:

— Арабелла поверить не может, что у вас есть брат-близнец. Видите ли, она раньше ничего подобного не встречала.

Немного озадаченный ее словами, Торн спросил:

— Никогда не видела моего брата?

Он был знаком со старшим братом Темпест и Арабеллы, Оливером Брантом, графом Маркрофтом. Поскольку Торн был из семьи Рук, ни один из них знакомству не обрадовался.

Леди Фейрлэм засмеялась, и в ее смехе была неподдельная искренность, очаровавшая Торна. Должно быть, Шанс заметил его молчаливое восхищение, потому что недовольно посмотрел на кузена.

— Не стройте из себя простачка, — поддразнила она. — Моя сестра никогда не встречала близнецов, похожих как две капли воды. Я уже предупредила ее, что вас с мистером Нитервудом невозможно отличить.

Презрев приличия, он порывисто схватил руку леди Арабеллы и поднес к своим губам.

— Я с удовольствием помогу вам эту разницу разглядеть.

— Торн! — предостерегающе окликнул его Шанс, когда лицо его свояченицы залилось очаровательным румянцем.

— Ж-ж-жду с нетерпением, л-л-лорд Кемпторн, — запинаясь, произнесла Арабелла.

— Арабелла, пойдём, — позвала Темпест, оценивающе глядя на Торна. — Если наш дорогой Торн подключит все свое обаяние, тебе понадобится мой серебряный флакончик с нюхательной солью.

Торн смотрел вслед удаляющимся дамам. Он взглянул на Шанса и заметил, как тот качает головой.

— Норгрейв кастрирует тебя, если узнает, что ты заигрывал с Арабеллой.

— Ты же как-то пережил его гнев, — ответил Торн, намеренно опуская взгляд на ширинку его темно-коричневых бриджей. — Или ты хочешь в чем-то мне признаться?

— Торн!

— Мне стоит посочувствовать твоей супруге? — в притворном сочувствии понизил голос граф. — Бедняжка. Она слишком молода, чтобы выходить замуж за джентльмена, который лишился своих...

— Довольно! — рявкнул Шанс, но его губы предательски растягивались в улыбке, когда он пытался сдержать смех.

Торн обнял кузена за плечи и повел его мимо музыкального салона к лестнице.

— Чтобы такие тайны не выходили за пределы семьи, наверное, мне стоит предложить твоей даме свои услуги.

— Услуги? — Шанс заговорил тише, заметив, что какой-то джентльмен и две дамы смотрят в их сторону. — Будешь продолжать дразнить меня, и Норгрейв не успеет до тебя добраться. Я сам тебя кастрирую.

Кузен легонько дал Торну затрещину ладонью. Тот засмеялся, отпустил Шанса, когда они остановились на балконе второго этажа, и стал наблюдать за тем, что происходит внизу.

— К слову, об Арабелле, — начал Шанс.

— Тебе не о чем беспокоиться, мой друг. Мои чувства к Арабелле вполне братские, поскольку она — новый член нашей семьи, — сказал Торн, хотя признался себе, что раз или два мысли о ней были не такими уж невинными. — Кроме того, у тебя с Норгрейвом и так проблем по горло. Не хочу стать одной из них.

Лишь мысли о том, что этот старый мерзавец, на котором пробы негде ставить, может стать твоим тестем, достаточно, чтобы подумать о воздержании.

Наверное, Шанс все понял по выражению лица Торна, к тому же кузен слишком хорошо его знал.

— Я ни о чем не жалею, — негромко признался маркиз, наблюдая за тем, как внизу бегают друг за другом трое детей.

Торн повернулся и взглянул в профиль Шанса.

— Ты имеешь в виду свою женитьбу на Темпест? — Он оперся о балюстраду палисандрового дерева.

Кузен кивнул, ухватившись за деревянный поручень.

— Ей очень тяжело, поэтому я просто не вспоминаю о лорде и леди Норгрейв.

Больше Шанс ничего объяснять не стал, да и какие объяснения могли быть? Мать Торна была близка с графиней Блекберн. Во время своих визитов домой он подслушал обрывки разговора между своими родителями, когда они обсуждали семейные новости. Хотя граф с графиней публично признали женитьбу своего сына на Темпест, в частном общении отношения между двумя парами все еще оставались натянутыми. О многом говорил уже тот факт, что граф и графиня Блекберн не присутствовали на приеме у Фелстедов.

Его родители любили Шанса как собственного сына. Они тяжело переживали раздор

внутри семьи и изо всех сил старались, чтобы Темпест почувствовала себя как дома.

— Твоим родителям просто необходимо время, — произнес Торн. — Вражда Блекбернов и Норгрейвов старше тебя. Публично они признали твой брак. Прими эту оливковую ветвь и дай им время примириться с прошлым.

Низкий иронический смешок был несколько неожидан и совершенно нехарактерен для человека, который к жизни относится с юмором и бесстрашием.

— Некоторые вещи не прощают, Торн.

Если Шанс и узнал что-то еще о причине непримиримой вражды между семействами Рук и Брант, Торн решил не докапываться. Интересно, что выведал его кузен, когда они с Темпест объявили Рук и Брантам о своей женитьбе?

— Кто это там с твоим братом?

Сперва Торн решил, что Шанс намеренно упомянул Гидеона, чтобы отвлечь его от разговора, который собеседник явно не хотел продолжать. Он опустил взгляд и начал осматривать группки гостей, пока не увидел мисс Лидалл. Когда это она вышла из гостиной? Должно быть, она проскользнула мимо, когда он отвлекся на Шанса, Темпест и ее сестру.

Да он за ней особо и не следил.

Хотя он мог бы приглядеть за девушкой, заботясь о ней. Леди Грисдейл обращалась с мисс Лидалл незаслуженно резко, ведь в этом неожиданном купании в озере были виноваты они с Гидеоном. Он был мало знаком с графиней, но и недолгое знакомство не вызывало у него симпатии. И хотя его матушке удалось воспрепятствовать графине отослать мисс Лидалл домой как нашкодившего ребенка, Торн предвидел, что эта женщина еще отыграется на дочери лорда Девика.

— Я его не вижу, — ответил он рассеянно, наблюдая за мисс Лидалл.

Шанс шагнул левее и поманил приятеля за собой.

— Отсюда лучше видно. Я не узнаю молодую леди.

Торн послушал кузена и тут же понял, что разгадал тайну спутницы брата.

— Видишь его? — И Шанс, заметив натянутый кивок Торна, добавил: — Вон та дама в голубом платье... Я ее не знаю, но Гидеон, кажется, хочет познакомиться с ней поближе.

Если бы они обсуждали кого-то другого, Торн посмеялся бы над непристойными высказываниями Шанса. Но он невероятно напрягся, поняв, что Гидеон опять пытается ускользнуть куда-то с мисс Лидалл.

— Он уже и так прекрасно ее знает. Кстати, ты тоже знаком с этой дамой.

Шанс удивленно вкинул бровь.

— Да быть не может! Я думал, что мне удалось узнать всех хорошеньких девушек в округе.

— Больше уже нет, — ответил Торн. — Если только ты не забыл, что ты теперь женатый мужчина.

Шанс отмахнулся от этого шутливового напоминания.

— Я говорю не в библейском смысле, негодник. Я столько летних месяцев провел в Мальстер-Парк, что знаком со всеми твоими соседками. И кто же эта цыпочка, с которой сейчас флиртует твой братец?

— Мисс Лидалл, — ответил он и прищурился, заметив, как Гидеон что-то прошептал девушке на ушко и та рассмеялась. — Дочь лорда Девика.

— Черт возьми, я не помню, чтобы с ней знакомился, — сказал Шанс, подавшись вперед, словно эти несколько сантиметров что-то решали.

— Прошлой весной, но ты был слишком увлечен своей будущей женой, чтобы обращать внимание на других дам, — осторожно ответил Торн, вспоминая, как томился от любви его кузен и те дни, когда он с готовностью был сообщником в его авантюрах. — Хотя быстрее ты вспомнишь ту худышку, которая постоянно следила за нами.

Шанс на секунду задумался над намеком. Потом его серо-голубые глаза недоверчиво округлились.

— Бог мой! Мисс Лидалл и есть та чумазая оборванка, которая взбиралась на деревья, чтобы плюнуть на нас? — Он пристально взгляделся в даму, флиртующую с Гидеоном, пытаясь соотнести ее образ с образом той девчонки, которая постоянно путалась у них под ногами. — Кто-то даже прозвище ей придумал. Как же там...

Торн напрягся.

— Оливка, — все-таки произнес он.

— Точно! Оливка! Костлявая Оливка! — весело подхватил Шанс. — Вот уж точно чудовищное прозвище для девушки. Дети бывают жестокими.

Торн отвел взгляд.

— Бывают. Должен тебе напомнить, что Гидеон всегда защищал малышку. Поэтому с твоей стороны было бы неразумно напоминать мисс Лидалл о ее неприглядном прошлом.

— Ты, часом, не перепутал меня с этим грубияном Маркрофтом? — поморщился Шанс, когда его мысли невольно переключились на шурина. — Я всего лишь намерен заручиться помощью твоей матери, чтобы она меня представила. Кроме того, раньше Гидеон, если его раздражить, довольно ловко орудовал кулаками.

— Ничего не изменилось, — подтвердил Торн, рассеянно потирая подбородок.

После нескольких лет разлуки они с Гидеоном продемонстрировали свои чувства друг к другу в первый же час своего воссоединения, когда подрались, наставив друг другу синяков.

Не дождавшись ответа от Шанса, Торн повернулся и заметил задумчивый взгляд кузена, когда тот разглядывал флиртующих Гидеона и мисс Лидалл.

— Как полагаешь, это из-за нее?

Брови Торна вопросительно взметнулись.

— Из-за нее Гидеона неожиданно потянуло на поиски своей судьбы?

У Торна задвигались желваки. Ему очень не хотелось признавать, что он и сам не раз задавался этим же вопросом.

— Не знаю. Может быть. Гидеон не хочет со мной это обсуждать.

— С нами тоже, — признался Шанс. — Мы с Рейнбо и Сент-Лионом спрашивали его перед отъездом в Лондон.

Все эти годы Торн часто гадал, какие же тайны хранили его брат и мисс Лидалл. Граф чувствовал, что девушка знает об отъезде Гидеона гораздо больше, чем он, хотя она и отрицала это, когда Торн, разозлившись, спросил прямо. К тому же обида на девушку почему-то не проходила.

Они с Шансом увидели, как Гидеон взял мисс Лидалл за руку и потянул к открытой двери за своей спиной. Она покачала головой, отменяя его игривые обхаживания, но тот был настроен решительно. Он обошел свою жертву и обвинил ее руками за талию. Дама продолжала качать головой и спорить, но Гидеон увлекал ее прочь из зала.

— За несколько дней до отъезда твой брат выглядел каким-то раздраженным. Естественно было предположить, что здесь не обошлось без дамы. Он дерется с тобой, и эта его чертова таинственность... Рейнбо и Сент-Лион предположили, что Гидеон влюбился в

чужую жену, — сказал Шанс. Его задумчивый вид говорил Торну о том, что не его одного больно ранило и сбило с толку решение Гидеона. — Если причина безрассудного поведения твоего брата — мисс Лидалл, похоже, что он ее простил.

— Твоя правда, — ответил Торн. — Хотя в теории Рейнбо и Сент-Лиона есть один изъян. Мисс Лидалл не замужем, и маловероятно, что она чья-то любовница.

— В таком случае, вероятно, твой брат думал, что не достоин внимания девушки, и решил завоевать ее сердце? — предположил кузен.

«Неужели Гидеон намерен соблазнить мисс Лидалл?» — даже мысль об этом была невыносима.

Торн кулаком ударил Шанса в плечо и обрадовался, когда тот поморщился.

— Что, черт побери, я такого сказал?

— После женитьбы ты стал сентиментален, — ответил Торн, обходя кузена сзади и направляясь к лестнице.

Он намеревался проявить всю свою ловкость, чтобы избавить Гидеона от влияния мисс Лидалл.

— Гидеон, куда мы? — поинтересовалась, запыхавшись, Оливия, когда он повел ее по короткому лабиринту узких коридоров, которыми обычно пользовались слуги Фелстедов. Стены были голые, давно не белены, но исхоженный деревянный пол, судя по запаху, недавно скоблили.

— Какая нетерпеливая! — поддразнил Гидеон через плечо. — Неужели ты уже стала слишком взрослой для сюрпризов?

— Да нет же! Но мне кажется, что для одного дня уже достаточно неприятностей, и благодарить за это я должна тебя с братом!

Честно признаться, она не слишком-то сердилась на близнецов. Не их вина, что леди Грисдейл намеренно видит в Оливии одни недостатки и не замечает достоинств.

— Графиня плохо с тобой обращалась? — спросил он, увлекая ее в конец коридора, где было две двери. Гидеон открыл ту, что справа.

— Все зависит от того, что вкладывать в слово «плохо», — ответила она, даже не допуская мысли, что Гидеон хочет испортить свой сюрприз. — Леди Грисдейл кажется, что отец не занимался моим образованием.

Гидеон замедлил шаг, потом остановился.

— Что за чушь! Я сам был знаком с несколькими твоими гувернантками.

Она улыбнулась ему.

— Да, у меня их было десять. — Она подняла вверх руки и пересчитала гувернанток по пальцам. — Две оставили свою должность, потому что чувствовали себя слишком одинокими, четыре заявили, что я слишком своенравна и мотаю им нервы, и уволились, не выдержав и пары месяцев, трех соблазнил мой отец, из-за чего вынужден был их уволить, и, насколько я помню, последнюю из них уложил в постель уже ты!

Гидеон закрыл глаза и прислонился к стене.

— Ты и об этом знаешь?

— Бедняжка рыдала у меня на плече, когда узнала, что ты уехал в Лондон, бросив ее ради новой любовницы. — Она скрестила руки на груди и сердито взглянула на Гидеона. — Она клялась, что влюбилась в тебя.

— Бог мой, ты же была совсем ребенком, когда я... — он махнул рукой, не желая показаться грубым. — У меня нет слов!

Оливия засмеялась:

— Мне было двенадцать, следовательно, вы с братцем разбивали девичьи сердца уже в почтенном возрасте... Вам было целых восемнадцать лет.

Он застонал:

— У меня такое чувство, что я должен перед тобой извиниться, моя дорогая.

— Мисс Хилл — так звали бедняжку, на тот случай, если ты запомнил. — Она усмехнулась, когда Гидеон покачал головой и пробормотал что-то о ее нахальстве. — Она была натурой чувствительной, склонной к меланхолии. Сомневаюсь, что она продержалась бы у нас дольше года. Кроме того, если это может хоть как-то успокоить тебя, она нашла утешение в постели одного из моих братьев, — небрежно добавила она. — Я так и не узнала, какого именно. Да это и не имеет значения. Хотя для отца этого было достаточно, чтобы ее уволить.

Гидеон прикрыл глаза рукой, большим и указательным пальцами потер виски.

— Ты слишком юна, чтобы посвящать тебя в такие подробности.

— А чего еще ожидать от бедной сиротки, которая росла без матери, которую воспитывали отец и двое братьев? — поддела его она, склонив голову набок. — Эта дверь ведет в оранжерею, верно?

Гидеон улыбнулся спутнице:

— Верно.

Оливия замерла:

— Что ты для меня нашел?

Он положил руку ей на поясницу и жестом указал на дверь.

— Ты должна сама все увидеть, — загадочно произнес он.

Оливию не нужно было просить дважды. Она открыла дверь и вошла в оранжерею Фелстедов. Черный ход не предназначался для гостей. Вдоль стен стояли садовый инструмент и несколько длинных деревянных столов. Стена из полок отделяла рабочие помещения от растений и деревьев, которые лелеяла леди Фелстед.

— И где же? — спросила она. Ей не терпелось увидеть, что же Гидеон нашел для нее во время своих путешествий.

— У фонтана, — ответил он снисходительно.

Глаза Оливии засветились от предвкушения, она подобрала юбку и поспешила в юго-восточную часть оранжереи. Девушка замедлила шаг и всплеснула руками, увидев обещанный сюрприз.

Гидеон подошел сзади, когда она опустилась на колени, чтобы полюбоваться подарком.

— Тот, кто достал это для меня, называл его «замия», — сказал он.

Явно не самое красивое растение в оранжерее Фелстедов. Это был цикас, растение с грубым древесным стволом мрачного рыжеватого оттенка и едва наметившимися зелеными побегами сверху^[1].

— Я бы отослал его к тебе домой еще несколько месяцев назад, но решил, что он погиб во время путешествия, когда опали все листья. Матушка сказала, что ему необходимо время, чтобы адаптироваться.

Она нежно погладила хрупкие листочки.

— Ты привез мне *Zamia pumila*^[2]. Где ты его нашел?

Он беспечно пожал плечами:

— В Вест-Индии. Нравится?

— Нравится? — Она встала, повернулась к нему. — Я просто восхищена!

Оливия порывисто обняла его.

Гидеон что-то пробормотал, также заключая ее в объятия.

— Значит, ты рада? Я плохо разбираюсь в растениях, — признался он. — Тем не менее это сразу бросилось мне в глаза. Оно было таким необычным. Я знал, что тебе оно понравится.

— Очень нравится! — заверила его Оливия. Она потянулась и несколько раз поцеловала его в подбородок. Гидеон засмеялся. — Ты такой милый, такой чудесный. Как же я соскучилась по тебе, Гидеон!

— Я тоже по тебе соскучился, Оливия! — он криво улыбнулся. — Глядя на тебя, я начинаю жалеть, что не вернулся домой раньше.

Ее былой энтузиазм поулег, когда она ощутила его сильные, крепкие плечи.

— Где ты...

Кто-то рядом кашлянул, парочка испугалась.

Оливия тут же убрала руки и отступила от Гидеона, который тоже разжал объятия. Взглянув поверх его плеча, она увидела стоящего в метре от них лорда Кемпторна. По его лицу невозможно было догадаться, о чем он думает, но Оливия нутром ощущала его неодобрение. Взгляд графа ненадолго задержался на ее лице, потом он перевел его на платье девушки. Оливия зарделась, когда он рассматривал ее грудь, плотно обтянутую лифом. А вот юбка немного испачкалась землей, и граф это тоже заметил.

— Торн, — как ни в чем не бывало, произнес Гидеон.

— Помешал? — поинтересовался лорд Кемпторн.

Оливия наклонилась, смахнула землю.

— Нисколько! — ответила она, чувствуя скованность под неприязненным взглядом графа.

— Оливия любовалась своим подарком, — добавил Гидеон, не замечая возникшего между девушкой и графом напряжения. — Хочешь взглянуть?

— Я уже увидел достаточно, — едко ответил лорд Кемпторн. — Пока ты не начал вновь обнимать даму, может быть, проводим мисс Лидалл назад в гостиную?

Оливия, встретившись с угрюмым взглядом графа, выпрямилась и изобразила радостную улыбку.

— Очень любезно с вашей стороны, лорд Кемпторн, но я сама в состоянии найти дорогу обратно. — Она отвернулась, и улыбка ее стала искренней, когда она перевела взгляд на Гидеона. — Спасибо за подарок. Можно я пока оставлю его здесь, а потом попрошу, чтобы кто-то из отцовских слуг пришел и забрал его?

— Разумеется, дорогая моя, — ответил Гидеон. — Беги. Увидимся еще до моего отъезда.

— Отъезда? — В голосе его брата сквозило изумление и слышались неодобрительные нотки.

Оливия кивнула Гидеону. Напряженное внимание лорда Кемпторна неожиданно переключилось с девушки на брата. Если эти двое намерены ссориться, у нее нет ни малейшего желания при этом присутствовать.

Она сделала реверанс и произнесла:

— Милорды.

Она спиной ощущала взгляды братьев, когда выходила из оранжереи через главный вход.

Как только Торн убедился, что мисс Лидалл их больше не слышит, он поинтересовался у брата:

— Что за ерунду ты несешь об отъезде?

Гидеон задумчиво смотрел в сторону удаляющейся мисс Лидалл.

— Ты специально это делаешь?

В темно-зеленых глазах Торна вспыхнуло раздражение.

— Говори конкретнее.

— Оливию мало чем можно расстроить. Однако тебе одним твоим недовольным видом удалось заставить ее поспешно бежать. — Гидеон обернулся, в его глазах бушевала ярость. — Ты что, обижал ее, когда я уехал?

— Это она тебе пожаловалась? — От такого предположения у Торна в груди проснулась злость. Никогда в жизни он не обижал женщин. И его брату было об этом отлично известно.

— Нет, — неохотно признался Гидеон.

— В таком случае мои отношения с мисс Лидалл тебя не касаются, — возразил Торн, не желая, чтобы брат втягивал его в ссору.

— И когда ты стал называть ее мисс Лидалл? — спросил Гидеон. — Она же наша соседка и друг нашей семьи. Мы с детства играли вместе. Мы оба называли ее Оливией, а теперь ты ведешь себя так, словно она совершенно чужой человек.

— Ты вспоминаешь время, когда мы были детьми. — Торн отвернулся от Гидеона, не сводившего с него недоверчивого взгляда. — Как только мы достаточно повзрослели и пошли в школу, время, проведенное в Мальстер-Парк, можно сосчитать по месяцам. За последние годы я все реже навещаю дом. Но когда я все же приезжаю к родителям, у меня нет ни времени, ни желания наносить визиты всем соседям. Кроме того, ее любимчиком всегда был ты. Мы с ней и в детстве почти не общались.

Гидеон задумчиво потер подбородок.

— До сих пор ревнуешь, что она предпочла тебе меня, да?

— Ни капли, — фыркнул Торн. — Эта докучница была слишком нахальной, к тому же имела отвратительную привычку попадать в истории. Ты и тогда был к ней слишком снисходителен. Похоже, с годами ничего не изменилось. Сегодня всякий раз, когда я пытаюсь разыскать тебя, мисс Лидалл оказывается с тобой.

Гидеон прищурил зеленые глаза, и Торн приготовился уже к буре, зарождение которой в них заметил. Но вместо того, чтобы встать на защиту мисс Лидалл, Гидеон медленно вздохнул и покачал головой.

— Да, и уговорить ее покататься на лодке стоило немалых усилий, потому что бесстрашная девчонка, которую я знал, превратилась в ужасно капризную мисс. Но мне удалось настоять на своем. Если бы ты за время моего отсутствия побольше обращал внимания на соседку, то заметил бы, что мисс Оливия стала красавицей. Слава богу, что ты никогда не наносил визитов ее отцу. Тогда у тебя был бы шанс украсть ее у меня.

Этот прозрачный намек возмутил Торна. Он всегда гордился умением выбирать дерзких и необычных женщин. В отличие от своих приятелей — Сент-Лиона, Рейнбо и Шанса до его женитьбы на леди Темпест, — Торн всегда умел обуздать страсть и аппетиты. Он никогда не болтал о своих любовных похождениях. И те не приносили разочарований. Не было слезных упреков от любовницы, когда роман подходил к концу, потому что невыполнимых обещаний он никогда не давал.

Торн избегал излишне эмоциональных, своенравных женщин, которые слушали сердце, а не разум. Мисс Лидалл была как раз такой, поэтому он изо всех сил пытался укрыться от ее чарующей ауры.

— Сильно в этом сомневаюсь, — возразил Торн, едва сдерживая саркастическую усмешку при виде странного растения, которое его брат подарил мисс Лидалл. Оно внушало страх и явно не стоило того воодушевления, с которым Оливия так живо бросилась целовать Гидеона в подбородок. Женщина, за которой он стал бы ухаживать и с которой мог бы разделить постель, отвергла бы такой непривлекательный подарок с презрением. — Я не стану волочиться за этой дамой.

— Я бы вздохнул с облегчением, если бы мог тебе поверить. — Гидеон направился к большим двойным дверям.

Он ошибся. Торну не нравилась мисс Лидалл. Он искал Гидеона.

— Ты намеренно пытаешься меня спровоцировать.

— Быть может, — медленно протянул Гидеон. — Но я все равно считаю тебя лжецом.

И только когда они с Гидеоном вернулись в дом, Торн вспомнил, что брат так и не объяснил, почему сказал мисс Лидалл, что уезжает.

— Ты весь вечер ведешь себя очень странно. — После ужина Шанс отвел Торна в сторону. — Ты начинаешь меня беспокоить.

Столовая не могла вместить всех гостей лорда и леди Фелстед, поэтому длинные столы расставили в бальном зале. Дабы справиться с наплывом желающих, в саду возвели несколько шатров, чтобы вместить тех, кто предпочел отужинать в семейном кругу на свежем воздухе.

— Волноваться не о чем.

Торн рассчитывал, что брат присоединится к нему за основным столом, — он намеревался продолжить незаконченный разговор. Но Гидеон выбрал себе местечко за одним столом с мисс Лидалл. И несмотря на то, что сидели они не рядом, Торн не один раз ловил многозначительные взгляды, которыми обменивалась парочка.

— Речь о Гидеоне, — сказал кузен, глаза его затуманила тревога. — Насколько я понимаю, ваш разговор с братом ничем не закончился?

Торн почесал левую бровь, чтобы скрыть раздражение.

— Гидеон постоянно меня избегает, — признался он, не желая, чтобы даже Шанс знал, насколько сильно это ранит его. — Он что-то задумал, и тут не обошлось без мисс Лидалл. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Тогда сделай что-нибудь, — подтолкнул его Шанс.

— Например?

— Поговори с мисс Лидалл, — ответил маркиз. Оба джентльмена заметили, что девушка несколько минут назад вышла из комнаты, чтобы избежать разговора с леди Грисдейл. — Может быть, она сможет ответить на вопросы, которые ты хочешь задать Гидеону.

Торну не нравилось, что его брат делится тайнами с мисс Лидалл. Он все гадал, в какие еще неприятности втянула его эта дама.

— Она не слишком-то меня жалуется.

— Когда это тебе не удавалось очаровать девушку, чтобы выведать ее... э-э-э... тайны? — усмехнулся Шанс. — Я прекрасно вижу, что мисс Лидалл благоволит твоему брату. Твое красивое лицо должно смягчить ее нрав.

— Шанс, от твоих советов толку — чуть!

— Если девушка не любит тебя, тогда подойди к ней как Гидеон! — беспечно посоветовал кузен.

— Если ты имеешь в виду нашу детскую забаву, — Торн саркастически усмехнулся, — то мы с Гидеоном уже давно не пытаемся никого одурачить.

— Это ты расскажи своей милой матушке! — хлопнул его по плечу Шанс и от всего сердца рассмеялся. — Какой лгунишка! Я прекрасно помню весеннюю ярмарку, когда нам с Гидеоном, Рейнбо и Сент-Лионом вскружила голову одна рыжеволосая красотка. Господи, сколько же нам было? Пятнадцать? Шестнадцать?

Торн усмехнулся:

— Слишком юные! Ума не было!

— Ага! Значит, ты помнишь, как запаниковал Гидеон, когда красотка пригласила его сопровождать ее на ярмарке. — Шанс покачал головой. — Ты-то думал, что твой братец научился паре штучек от Сент-Лиона и Рейнбо, когда речь заходила о женщинах, но он

просто позеленел.

— Вы же никогда не интересовались застенчивыми невинными девушками, — ответил Торн. Пока его брат и друзья сломя голову приударяли за рыжеволосой, сам он флиртовал с миловидной брюнеткой. Когда он подошел к своим приятелям, Шанс, Сент-Лион и Рейнбо уже набросились на Гидеона за то, что тот вежливо отказал красотке. — Гидеон не привык иметь дела с бесстыдницами.

— Как, впрочем, и ты, — многозначительно подметил его кузен.

Да, он не привык, но после того, как брюнетка не приняла его ухаживаний, уязвленная гордость жаждала утешения. Если бы Гидеон домогался рыжеволосой красотки, Торн никогда бы так легко не занял его место.

— Было бы невежливо оставить мисс Джейкобс наедине с негодяями и мерзавцами, которыми кишела ярмарка, — ответил Торн, вспоминая тот день с благодарностью и нежностью. — Я лишь выполнял за брата его долг.

— Долг, черт меня возьми! — Шанс слегка ударил Торна кулаком по плечу. — Мы полночи искали тебя, когда ты неожиданно исчез с ярмарки.

— Мисс Джейкобс была на пять лет старше и столько знала о плотских утехах, что я потом ходил одурманенный еще несколько недель, — засмеялся Торн, когда его кузен закрыл лицо рукой и застонал. — Я же не забыл вас всех поблагодарить, правда?

— Не забыл, — ответил Шанс, опуская руку. — Сент-Лион до сих пор временами ворчит о том, как тебе повезло. И не будем забывать ту проказу с леди Спайсер.

— Ах да! Леди Спайсер! — протянул Торн. — Изумительная женщина. Она даже не разозлилась, когда узнала, что нас двое.

— Вы с Гидеоном так и не рассказали, удалось ли вам уложить в постель молодую вдову.

— Настоящий джентльмен о своих делах сердечных не распространяется, — ответил Торн, пытаясь сохранить хоть немного достоинства. Ей-богу! Его кузен прав: они с Гидеоном часто менялись местами, чтобы достичь желаемого. И хотя они поклялись ни с кем не обсуждать подробности, леди Спайсер понравилось иметь двух любовников одновременно, и они с Гидеоном несколько месяцев делили постель с одной женщиной. — Ладно-ладно, ты прав: мы с Гидеоном не оставили наши детские игры.

— Значит, давай скажем Гидеону...

Торн сердито посмотрел на кузена.

— Мы ничего Гидеону говорить не будем. Мне понадобится помощь от тебя и твоей жены — отвлеките его, пока я буду общаться с мисс Лидалл.

Леди Фейрлэм, должно быть, услышала последнюю фразу Торна, когда подходила к мужу. Удивленно глядя на супруга, она спросила:

— Полагаю, что фейерверк, который устраивает лорд Фелстед, для вас двоих — недостаточно рискованное зрелище. И чем я могу помочь?

Леди Фелстед пожурит бы ее за то, что она прячется.

Оливия мысленно не согласилась с ней, шагая по усыпанной гравием и освещенной факелами тропинке, ведущей к греческой причуде маркизы. После унижительного купания в озере с близнецами Нитервудами она вернулась к гостям в чужом платье, которое было ей мало, стараясь не обращать внимания на неодобрительные взгляды леди Грисдейл в ее сторону. Позже, когда все собрались в бальном зале на ужин, ее отец — к его чести сказать — лишь засмеялся, когда она рассказала ему о своем неожиданном падении в озеро. Гидеон

сидел неподалеку, за одним столом с ней, поэтому приукрашивал историю для восхищенных слушателей — рука ее отца так сильно тряслась от смеха, что он даже пролил вино.

Ей необходимо сказать Гидеону пару слов касательно его поведения за столом.

У джентльмена был настоящий дар рассказчика. Благодаря его дополнениям весь инцидент казался скорее смешным, чем постыдным, и выставлял Оливию в выгодном свете. Когда все за столом смеялись, не чувствовалось ни злобы, ни осуждения.

Оливия гадала: одобрил бы такое поведение брата лорд Кемпторн?

Она уже и забыла, насколько великолепен Мальстер-Парк, когда сюда приезжают сыновья лорда и леди Фелстед. Жаль, что подобное теперь случается нечасто.

Подпевая песне, которую вдали играл оркестр, она наслаждалась прохладой вечернего воздуха, монотонному ритму шагов по гравию в чужих туфлях, землистым запахом окружающих лесов.

К ее огромному облегчению, больше никто не решился пойти прогуляться к беседке. Оливия поднялась по трем ступенькам и обвила руками одну из мраморных колонн. Не отрывая ладони от прохладного мрамора, она обошла колонну и перешла к следующей. Большинство гостей леди Фелстед слишком плотно поужинали, чтобы идти куда-то дальше озера, где на деревянном настиле играл оркестр, пока слуги под чутким руководством лорда Фелстеда готовились запускать фейерверк. Деревья скрывали большую часть озера, но она могла наслаждаться музыкой и фейерверком. Оливии нравилось одиночество. Тишина давала ей время собраться с мыслями. Для одного дня потрясений уже было достаточно.

В ночном воздухе послышался негромкий, почти музыкальный свист, доносившийся с тонущей в тени тропинки. В беседку шел кто-то из гостей. Тот, кто знал ее привычки.

— Кто здесь?

Негромкие шаги затихли, словно она удивила невидимого гостя, обозначив свое присутствие. Свет от факелов и мягкое свечение фонарей у беседки не позволяли ей видеть в окружающей темноте.

Ее сердце учащенно забилося — ей не терпелось узнать, кто же этот приближающийся к беседке мужчина. Она знала Мальстер-Парк так же хорошо, как имение собственного отца. Она была знакома со многими из гостей Фелстедов и знала, что, встретив какого-то подвыпившего влюбчивого воздыхателя, сможет ускользнуть, если тот станет ей надоедать.

— Что ты делаешь здесь одна, Оливия? — раздался вопрос, в котором слышались злые нотки.

Она улыбнулась, когда из темноты показалось знакомое лицо.

— Гидеон! Ты меня напугал, — призналась она, встречая его у подножия лестницы.

— Вижу, жизнь тебя ничему не учит, — проворчал он, взял ее руку и поцеловал. Нежность его прикосновений совершенно не вязалась с его сердитым голосом. — Ты уже слишком взрослая, чтобы резвиться в такое время.

Продолжая держать его за руку, она повела его вверх по лестнице, чтобы он смог насладиться открывающимся видом.

— Когда лорд и леди Фелстед приглашают всю округу в Мальстер-Парк, все только и делают, что резвятся. Я в полной безопасности. А ты что здесь делаешь? Я думала, ты сидишь со своими близкими у озера.

— Я мог бы задать тебе такой же вопрос.

Лорд и леди Фелстед зажгли у всех дорожек и тропинок сада факелы. На каждой ветке дерева висели бумажные фонарики — они не только освещали, но и согревали темноту.

Гидеон сел рядом с Оливией и оперся об одну из мраморных колонн.

Девушка пожалала плечами:

— Отсюда отлично видно фейерверк.

Она поправила шаль на плечах, прикрывая вырез позаимствованного платья. Дочь маркизы была уже в груди, и Оливия боялась, что декольте слишком глубокое. Когда она сказала об этом леди Фелстед, та заверила, что она очень мила в этом платье. Однако осуждающие взгляды леди Грисдейл за ужином и восхищенные взоры некоторых джентльменов, которые она заметила сегодня вечером, лишь подтверждали опасения девушки.

Гидеон почесал подбородок и посмотрел в сторону озера.

— Есть зрелища и поинтересней, — ответил он, из вежливости не упоминая о деревьях, сомкнувшихся вокруг беседки. — И ты пропускаешь все веселье.

Она чуть повернула голову, чтобы полюбоваться его профилем. Гидеон и его брат были умопомрачительно красивы. Немудрено, что она глаз не могла отвести от сидящего рядом с ней мужчины.

— Откуда ты знал, где меня искать?

Он оперся локтями о свои колени.

— Когда я не нашел тебя на озере, то решил, что ты здесь.

Оливия засмеялась:

— Знаешь, после нашего небольшого инцидента должно бы казаться разумным держаться от воды подальше.

Гидеон наклонил голову и печально улыбнулся:

— Пытаешься добиться очередных извинений, Оливия?

— Ничего подобного, — ответила она, обходя колонну, словно партнера в танце. — Я уже тебя простила.

— А моего брата?

Нотки любопытства в его голосе заставили ее остановиться и пристально взглянуть на собеседника.

— Конечно. Я с лордом Кемпторном не ссорилась.

— Уверена? Когда он застал нас вместе, я заметил между вами некое напряжение, — сказал он, наблюдая за тем, как она грациозно танцует между мраморными колоннами.

Оливия задумчиво надула пухлые губки, размышляя над ответом.

— Что ж, он действительно застал нас в несколько компрометирующей позе. Зная чопорность твоего братца, могу предположить, что его оскорбила наша фамильярность.

— Значит, ты таким его считаешь? — уточнил Гидеон. В глазах его сверкали озорные искорки. — Чопорным?

— А еще ему подойдет «напыщенный». Хотя, если говорить откровеннее, я предпочитаю не удостаиваться его внимания. Я никогда не числилась у него в любимицах. — Она замерла, наклонила голову, вслушиваясь в играющую вдали музыку. — Обожаю этот шотландский рил^[3].

— Что? — Он выглядел несколько сбитым с толку, когда Оливия протянула ему руку.

— Я же не могу танцевать одна, мистер Нитервуд, — ответила она, наклонилась и схватила его за руку.

— Я уже сто лет не танцевал, — запротестовал Гидеон.

— Значит, ты и не жил, — ответила она и потянула его к себе, чтобы он встал.

Гидеон покачал головой, но не стал лишать ее радости. Оливия подпрыгивала на каблуках, когда они спустились по ступенькам и вышли на усыпанную гравием тропинку. Она взяла его за обе руки, склонила голову, сделала реверанс.

— Для рила нам не хватает нескольких пар.

Гидеон поклонился.

— У озера тьма народа.

Оливия закатила глаза, и они дважды сделали круг по часовой стрелке, а потом в обратную сторону. Гидеон обнял ее за талию, когда она вытянула руку вправо, как будто занимала позицию в танце, в котором были задействованы и другие дамы. Вдвоем они закружились под энергичную музыку. Потом в обратном направлении.

— Знаешь, как смешно мы выглядим? — поинтересовался он, уже смирившись с тем, что не сможет ее отговорить.

Оливия отпустила его руку и повернулась к спутнику лицом. Подхватила подол юбки спереди, обнажив лодыжку и прыгая из стороны в сторону с ноги на ногу.

— Почему это? Потому что танцуем при свете луны под звездами?

Она радовалась, что Гидеон не пропустил ни одного шага.

— Это одна из множества причин, — поддразнил он, схватил ее за локоть и притянул к себе поближе, сделав быстрый поворот.

Оливия ощутила, как перехватило дыхание от встречи их взглядов, когда Гидеон вращал ее четыре раза подряд. Теплый воздух, в груди все сжалось. В конце концов, это же Гидеон. Она не переживет, если лишится чувств у его ног. Чтобы прогнать туман из головы, она в танце отошла от партнера, представляя себе, что движется в унисон с другими танцующими.

— Оливия, ты, случайно, не заметила, что танцуешь одна? — поинтересовался Гидеон. Он уперся руками в свои узкие бедра, наблюдая за ней из-под опущенных век.

— Неужели? — последовал ее беззаботный ответ, но она послушно закружилась назад к партнеру. — Нет, не заметила.

Девушка начала было танцевать вокруг него, но Гидеон схватил ее за локоть и перехватил вторую руку, чтобы она не смогла убежать. Он закружил ее, крепко прижимая к себе.

— И все-таки ты не изменилась! — засмеялся он. — Мне не хватало твоих безумных, диких выходов, Оливия!

— Неужели? — Она изумленно изогнула правую бровь. — Может быть, в следующий раз, когда соберешься на поиски приключений, позовешь меня с собой?

Гидеон задумчиво, слишком уж серьезно смотрел на партнершу.

— Может быть, так и сделаю.

Не успела она ответить, как ее внимание привлекли взрывы в воздухе.

— Ой, смотри! Начался фейерверк, — воскликнула она, отстраняясь от него и глядя поверх деревьев. — Как красиво!

— Да.

Оливия оглянулась на Гидеона и вздрогнула, заметив, что он смотрит не на небо, а на нее. Она поспешно перевела взгляд в небо.

— Тебе оттуда видно фейерверк?

Оркестр заиграл очередную мелодию, которая, вероятно, должна была сопровождать фейерверк, но звучала, увы, вразнобой с залпами. И все же музыка была красива и добавляла праздничного настроения.

— Пошли. Если мы станем у края портика, будет видно лучше, — сказал Гидеон, схватил ее за руку и потянул назад в беседку.

Оливия с радостью послушалась. Если бы она была одна, то выбрала бы именно это место. Девушка удивилась, насколько легко они с Гидеоном восстановили старую дружбу, несмотря на годы, которые отдалили их друг от друга.

— Общее прошлое, наверно, — пробормотала она себе под нос.

— Что? — Гидеон остановился у края беседки и притянул ее к себе. Рукой он обнял ее за талию, словно выражая готовность поддержать, если она будет настолько неловкой, что станет падать.

То, что он сомневался в ее способности держать равновесие, смущало, но было так трогательно.

— Ничего, — ответила она, глядя вверх деревьев. Крики вдалеке и треск говорили о том, что они с Гидеоном пропускают эффектное зрелище, озаряющее ночное небо. — Похоже, это не самое лучшее место, чтобы любоваться фейерверком.

— Согласен.

Она поморщилась от его недогадливости.

— Знаешь, а я не помню, чтобы приглашала тебя к себе присоединиться.

— Серьезно? — Гидеон ждал, когда же она взглянет на него. — А я мог бы поклясться, что мы собирались снова встретиться.

Оливия оперлась о колонну, чтобы не упасть.

— Ты это о чем? О тайном свидании? — Она захлопала ресницами. — Знаете, мистер Нитервуд, кажется, мой отец не одобрил бы вашего поведения.

— Он ничего не узнает, — ответил Гидеон, опуская руку с ее талии ниже, на бедро. — Ты же прекрасно понимаешь, что значит тайная встреча.

— Конечно же, болван, — нежно сказала она. — Тем не менее нет причин хранить наши встречи в тайне. Разве только если ты боишься, что твой брат их не одобрит.

Гидеон нахмурился:

— Мой брат мне не указ!

Оливия бестактно хмыкнула:

— Он же твой брат-близнец. Если бы тебе было безразлично его мнение, ты не стал бы досадовать на ограничения, которые, как ты думаешь, он для тебя устанавливает.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — произнес он сквозь зубы.

— Ты уж точно перешагнул мои границы, — продолжала она, не боясь и не желая мириться с его гневом. — Вот там, — она указала на небо, — видел?

— Ты вспоминаешь о давнем соперничестве, — настаивал на своем Гидеон, не обращая внимания на фейерверк. — Что ты знаешь о наших с братом отношениях? Мы уже сто лет как живем отдельно.

— Как только вы с лордом Кемпторном оказались на расстоянии вытянутой руки, я очутилась в озере, — возразила она. Видя его изумленное лицо, она проглотила свое раздражение. — Поэтому ты должен простить меня за то, что я не хочу вновь оказаться между вами. Сомневаюсь, что у твоей сестры есть еще одно чистое платье мне впору.

Гидеон заметил, как она неловко стягивает концы шали в кулак. Когда они танцевали, Оливия позабыла об узком лифе или откровенно глубоком декольте. Заметил ли он? Он не стал говорить, но это не означало, что он не смотрел.

— Замерзла?

Смена темы разговора выбила почву из-под ее ног.

— Замерзла? Я? Нет.

— Позволь мне, — сказал Гидеон, нежно убирая ее пальцы, сжимающие шаль. — Если ты продолжишь тянуть шаль, то скоро себя задушишь.

Он убрал ее руку и стянул концы шали так, чтобы лишь слегка был виден лиф.

— Так лучше?

Оливия кивнула, остро ощутив тепло его рук, легкое покалывание от его прикосновения к ее коже. Она сглотнула, в горле пересохло.

— Мы пропустим весь фейерверк.

— Неужели? — негромко произнес он. — Оливия, посмотри на меня.

В ее животе порхали бабочки, когда она смотрела на его руки. Нет, не помогло. Она закрыла глаза. Не в силах объяснить свое нежелание, девушка покачала головой. Услышала над головой несколько взрывов. Фейерверк.

— Ты пропускаешь...

Оливия послушно вздернула подбородок и открыла глаза. И тут же, не говоря ни слова, Гидеон закрыл собой небо, прильнув к ее губам. Она вздрогнула всем телом от первого легкого прикосновения его теплых губ. Это было подобно откровению. Осознание. Ее тело ожило, когда его губы прижались к ее губам. Обдало жаром. И горели не только щеки. Ей казалось, что она впервые глотнула жидкого пламени. Оно потекло по ее языку, дальше по горлу, растеклось по всему телу. Она прильнула к нему, желая... чего же? Оливия точно не знала, чего жаждет.

Гидеон застонал ей в рот и, казалось, этим разрушил очарование.

Оливия отступила назад. Ему пришлось ее подхватить, иначе она упала бы с портика. Она попыталась отстраниться.

— Что это было? Что ты делаешь? — спросила она, чувствуя себя застигнутой врасплох и немного обманутой.

— Это называется «поцелуй», — весело ответил он.

— Я знаю, что такое поцелуй! — прошипела она, отстраняясь от него. — Это не первый мой поцелуй.

— Надеюсь, что нет, — поддразнил он. — Тебе же уже двадцать. Но ты еще слишком молода, чтобы забыть свой первый поцелуй.

Черт бы его побрал! Он выбрал именно этот момент, чтобы напомнить ей, что впервые она поцеловалась именно с ним. Это случилось в тот год, когда Гидеон соблазнил ее последнюю гувернантку. На следующий день они с братом уезжали из Мальстер-Парк в Лондон. Оливия не ожидала увидеть его снова раньше осени. Он пришел попрощаться. И по сей день она гадала, что же такое подвигло его на поцелуй.

Да и сам он об этом до сего дня не вспоминал.

Она театрально вздохнула.

— Не все поцелуи запоминаешь, мистер Нитервуд.

— Это вызов, мисс Лидалл?

Лед в его голосе напомнил ей о лорде Кемпторне. Она уже почувствовала, как опьянела от поцелуя Гидеона.

— Ничуть. Одного вполне достаточно.

— Вы имеете в виду двух, миледи?

Оливия одарила его взглядом, исполненным крайнего отвращения. Девушка оттолкнула

его, и на этот раз он ушел с ее дороги.

— Ты куда?

— Возвращаюсь в дом, — бросила она через плечо. — И тебя с собой не приглашаю.

— Из-за того, что я сказал? — поинтересовался он насмешливо, отчего ее плечи напряглись.

Не обращая на него внимания, Оливия продолжала шагать по усыпанной гравием, тускло освещенной тропинке, все больше отдаляясь от Гидеона. Звуки казались приглушенными, но если она прислушивалась, до нее доносились взрывы и шипение фейерверков, радостные крики собравшейся у озера толпы.

Оливия старалась не думать о поцелуе Гидеона. Ее губы покалывали, они горели. Она почти забыла их первый неловкий поцелуй и недоумевала, почему он решил поцеловать ее еще раз. Решила, что всему виной тесный лиф, вспоминая неприкрытый интерес в его взгляде.

Чужое платье ничего, кроме неприятностей, ей не принесло.

Оливия была настолько зла, что не заметила стоящего в тени мужчину. Гидеон смотрел вслед удаляющейся фигурке, пока не затих звук ее шагов. Торну придется объяснить свою последнюю шутку. Гидеон шагнул на тропинку и направился в сторону беседки.

— Откровенно сказать, неожиданно! И как давно ты играешь с Оливией в нашу любимую игру?

Сидящий на нижней ступеньке Торн убрал руку от лица и сердито взглянул на брата. Тот выбрал не лучшее время для разговора. Сам Торн несколько раз за сегодня пытался отвести Гидеона в сторону, чтобы побеседовать с ним с глазу на глаз, но теперь брату лучше оставить его одного.

— Какого черта ты здесь забыл? Я думал, ты с матушкой развлекаешь гостей.

Гидеон приблизился, и в мерцающем свете ближайшего факела стало заметно, как резко заострились от холодной ярости черты его лица, а глаза горели обещанием возмездия.

— Я покоя себе не находил.

— Тебе скучно стало, — решительно произнес Торн, выпрямляясь и вставая. — Наша матушка, не жалея сил, отмечает твое возвращение домой. Неужели ты ни на секунду не задумывался, как ее ранит твое безразличие?

Гидеон пнул носком сапога камешек.

— Мать все понимает.

— Неужели? Или она боится, что ты опять сбежишь? — предположил Торн, угрожающе надвигаясь на брата.

Тот расправил плечи:

— Мы сейчас обсуждаем страхи леди Фелстед? Или твои?

Торн первым отвел взгляд.

— Черт побери, речь сейчас не о нас!

— Ну разумеется, — согласился Гидеон. — Я хотел поговорить о том, что увидел между тобой и Оливией. Она казалась расстроенной, когда уходила.

— Ерунда, — стоял на своем Торн. — Я...

Он никак не ожидал, что Гидеон возьмет его за грудки.

— Не лги мне, Джастин! Я видел, как ты танцевал и флиртовал с Оливией!

— Девушке неведомы приличия, — ответил он. Его не на шутку испугала ревность, которую он расслышал в обвинениях брата. — Когда я понял, что она направляется не к озеру с остальными гостями, решил пойти за ней. Ты должен поблагодарить меня за то, что я присматриваю за твоей подружкой.

Гидеон еще сильнее сжал полы сюртука Торна, потом отпихнул брата.

— Значит, я должен еще и благодарить, так, по-твоему? Черт, ты — высокомерный негодяй! Может быть, я и не слышал всего вашего разговора, но я точно знаю, что Оливия принимала тебя за меня!

— Кто-то здесь слишком высокого мнения о себе? — поддел его Торн. — Тебя не было в Англии несколько лет. Возможно, у дамы возникли ко мне теплые чувства.

Его брат покачал головой:

— Сильно в этом сомневаюсь. Ты ее с детства терпеть не мог и не сможешь убедить меня, что воспылал к ней чувствами, когда она выросла. А что касается Оливии... Она никогда бы не стала флиртовать с лордом Кемпторном. И уж точно не стала бы его целовать. Я тебя знаю как свои пять пальцев и как твой брат-близнец требую, чтобы ты оказал мне услугу. Что бы ты там ни задумал с Оливией, пусть это прекратится этим же вечером.

— Ты слишком долго отсутствовал в жизни мисс Лидалл, братец, и тем не менее тут же пытаешься взять на себя роль благородного рыцаря, — негромко произнес Торн, ненавидя себя за ревность, уколотившую его сердце. — Тебя волнует, что она предпочитает мои поцелуи твоим?

— Оливия всегда может рассчитывать на мои верность и дружбу. А еще я хочу напомнить, что из-за твоей забавы теперь я — тот, кого, как она думает, она поцеловала, — сказал Гидеон, самодовольно изогнув уголок рта при виде мрачного выражения лица Торна. — И я должен благодарить тебя за это. Но я не доверяю твоим намерениям относительно этой дамы.

— Боишься, что я украду ее у тебя?

Лицо Гидеона посерьезнело.

— Нельзя украсть то, что ценится только тогда, когда это отдается по доброй воле. Однако ты можешь ее ранить. Я этого не потерплю.

— Мы ссоримся из-за женщины? — удивился Торн, не в силах это скрыть.

Гидеон устало вздохнул:

— Держись от Оливии подальше. Она слишком невинна для всех тех игр, которые ты затеваешь.

— Раньше ты тоже любил в них играть, — укорил Торн, гадая, насколько он сможет разговорить брата.

— В этом в последние годы не было смысла, — сказал Гидеон, в глазах у него мелькнуло сожаление.

— И кто в этом виноват? — возмутился Торн.

Гидеон взъерошил свои темные волосы.

— Я не упрекаю тебя за то, что ты вспомнил нашу старую игру, Торн. У меня претензии лишь к твоему выбору дамы.

Мисс Лидалл неприкосновенна. Гидеон ясно дал понять это, но Торн еще не решил, станет ли он уважать пожелания брата.

— Хочешь посоветовать мне кого-то другого?

Гидеон недоверчиво хмыкнул.

— Ты можешь подойти к ней как граф, — разрешил Торн, вплотную приблизившись к брату. — Если будешь вести себя непристойно, пощечину за это получу я.

— Заманчиво, — согласился Гидеон, лицо его прояснилось, плечи обмякли. — Хотя думаю, что приберегу месть для другого случая. Как ни больно мне это признавать, но ты прав. Я пренебрегал своими обязанностями почетного гостя этого приема. Если я вернусь к маме, пока не закончился фейерверк, остается шанс, что она не заметит моего исчезновения.

— Держим пари? — предложил Торн, большим и указательным пальцами правой руки хватая брата за подбородок, пока тот не вырвался.

— Только пьяный дурак мог бы заключить подобное пари, — ответил Гидеон, рукой обхватывая брата за шею. — От матушки ничего не скроешь.

— Согласен. Она потребует извинений и объяснений.

Гидеон немного навалился на брата и обмяк у Торна на плече.

— Я могу предоставить и то и другое. Я просто скажу, что ты виноват.

— Отличный план! — больше развеселившись, чем обидевшись, заметил Торн. — Как ты до этого додумался?

— Честно признаюсь, когда мама на меня злится, я всегда говорю, что это ты

виноват. — Гидеон улыбнулся, и Торн поймал себя на том, что тоже улыбается.

— Отлично!

— А зачем сбрасывать со счетов старый план, если он всегда срабатывает? — признался Гидеон. — Пошли вместе. Если маркиза увидит нас вместе, сердце ее смягчится.

— Полагаю, что смогу оказать тебе небольшую услугу, — сказал Торн. И они оба молча пошли по тропинке, ведущей к озеру.

Торн слышал музыку и мысленно перенесся к мгновениям с мисс Лидалл. Перед греческой беседкой ее движения были грациозны и легки. Она с озорной улыбкой танцевала с ним, ее губы манили, и он знал, что обязательно ее поцелует.

— Торн! — задумчиво окликнул его брат.

— О чем задумался?

— Об Оливии... — начал Гидеон.

Торн закрыл глаза и убрал руку с плеча брата.

— Наверное, ты хочешь, чтобы я извинился за то, что поцеловал ее?

— Нет, — лаконично ответил тот. — Вероятно, у тебя были на то свои причины. Просто больше никогда ее не целуй.

«А если я поцелую ее как лорд Кемпторн, это считается?»

— Изо всех сил буду пытаться устоять перед чарами юной леди, — сухо ответил он.

Гидеон пытливо взглянул на брата, но казалось, что ответ Торна его удовлетворил.

Он был уверен, что Торн говорит неправду, но это была лишь очередная ложь в отношениях между братьями.

Погруженная в собственные мысли Оливия зашла в глубину сада леди Фелстед и лишь тогда осознала, где находится. Неподалеку раздавались радостные возгласы гостей, которые решили полюбоваться фейерверком с расставленных по всему саду скамеек. Ближе к дому слуги установили дополнительные столы и стулья. Она могла и дальше идти по тропинке к террасе или остаться в саду и найти себе укромный уголок, чтобы полюбоваться фейерверком.

«Я могла бы присоединиться к леди Фелстед с друзьями».

Оливия знала, что маркиза обязательно найдет для нее местечко, но отмахнулась от этой мысли. Слишком рискованно. Она может столкнуться с леди Грисдейл, которая до сих пор недовольна тем, что хозяйка расстроила ее планы отослать Оливию домой. К тому же там мог быть лорд Кемпторн. Даже спиной она чувствовала его осуждающий взгляд. Сидеть рядом с его матерью — только вызывать у него раздражение.

Откровенно говоря, она была не в настроении вести словесные перепалки с близнецами Нитервуд.

Оливия остановилась у большого фонтана с круглым основанием и полуобнаженной мраморной статуей русалки, возвышающейся в центре мелкого бассейна. Вода сбегала с огромной раковины, которую русалка держала на бедре. Оливия восхищенно всматривалась в мраморное лицо, любясь красотой статуи, но сама была погружена в раздумья, вспоминая о дружеской беседе с Гидеоном, о той радости, которую она ощутила, кружась с ним в танце.

Последний раз она танцевала с ним еще в детстве.

Оливия поджала губы.

— И зачем ты все разрушил этим поцелуем? — спросила она, озвучив свое недовольство окружающей темноте.

— Поцелуй под звездами — звучит чрезвычайно романтично.

Оливия попыталась скрыть изумление, когда повернула голову и узнала говорившую.

— Леди Арабелла, откуда... Я понятия не имела, что привлеку чье-то внимание, — приветствовала она даму реверансом. Юная леди ответила ей тем же. — Как вам вечер?

Оливия познакомилась с леди Арабеллой Брант в прошлом сезоне, и поскольку они были ровесницами, хозяйка вечера решила, что у двух незамужних девушек много общего. Вначале Оливия в этом сомневалась. Честно говоря, не вина леди Арабеллы в том, что Оливия всегда чувствовала себя скучной серой мышкой рядом с этой хрупкой блондинкой, обладающей красотой, которая вдохновляет художников и поэтов. Она ожидала, что девушка будет такой же тщеславной и злой, как леди Миллисент, однако оказалось, что молодая женщина очень дружелюбна и сведуща во многих вопросах. Ее старшая сестра, леди Темпест, вышла замуж за Фейрлэма — двоюродного брата лорда Кемпторна и Гидеона. Этот брак вызвал определенное волнение в Лондоне, потому что дама была практически обручена с другим, да и вражда между семьями Брант и Рук была слишком давней, временами жестокой. По крайней мере такие слухи дошли до Оливии. Она не обращала внимания на сплетни, пока ее не познакомили с леди Арабеллой.

— Великолепно, — весело заблестели ореховые глаза собеседницы. — Так же, как и вам, если целуешься с незнакомцами...

— О, это был не незнакомец, — поправила Оливия. Пытаясь сменить тему, она поинтересовалась: — А вы почему не с остальными гостями у озера?

— Я там была, но потом решила, что моей сестре и ее мужу нужно побыть наедине, — беззаботно ответила леди Арабелла. — Однако мои дела не так интересны, как ваши отношения с загадочным поклонником. Я хочу узнать подробности.

Оливия нахмурилась:

— Он не мой поклонник, и рассказывать не о чем.

— Если вы целовались, значит, точно есть что рассказать. — Леди Арабелла взяла Оливию за руку и увлекла ее к маленькому алькову, откуда было отлично видно фонтан. — Садитесь и все мне расскажите. Я начну. Я его знаю?

Гидеон был родственником леди Арабеллы, пусть и некровным. Оливия решила, что после его возвращения в Англию его обязательно ей представили. Если же нет, их непременно представила бы друг другу леди Фелстед, когда девушка приехала в Мальстер-Парк.

— Да.

Леди Арабелла задумалась над следующим вопросом:

— Вы сказали, что знакомы с ним. Кто-то из ваших соседей?

Оливия сердито взглянула на собеседницу:

— Он не мой поклонник. Да, он живет по соседству.

— Он красив? — продолжала спрашивать леди Арабелла, лукаво вздернув правую бровь. Оливии никогда не повторить это, даже если она целый год простоит у зеркала.

— Нет, он совершенно ужасен, — серьезно ответила она.

— Не верю!

В ответ на недоверие леди Арабеллы Оливия лишь сжала губы. Прошло всего пятнадцать секунд, и она захихикала.

— Конечно же, я считаю его красивым. В противном случае я никогда бы не разрешила ему себя поцеловать.

Леди Арабелла округлила глаза:

— Значит, это он вас первым поцеловал.

— Неужели вы полагаете, что я настолько развязна, что могу поцеловать ничего не подозревающего джентльмена? — Оливия расправила плечи и подняла лицо к небу, полюбоваться последними вспышками фейерверка. — Поверить не могу, что вы такого невысокого обо мне мнения.

— Я не хотела... — поспешно начала леди Арабелла, пока не заметила, что Оливия улыбается. Она засмеялась и нагнулась к подруге. — Значит, это был не просто поцелуй?

— Я так не считаю, — ответила она, вставая со скамьи. — И больше я целовать его не буду.

Она всерьез намеревалась хранить свое обещание. Гидеон — ее друг, но он такой же повеса, как и его брат. В отличие от женщин, которые в него влюблялись, она не имела ни малейшего желания оказаться в его коллекции разбитых сердец. Господи, о чем она думала? Он только что вернулся в ее жизнь. Она не собиралась терять его из-за поцелуя.

— Почему? — удивилась леди Арабелла.

Оливии казалось нечестным ставить подругу в неловкое положение, ведь Арабелла наверняка будет защищать нового члена своей семьи. Оливия пожала плечами в ответ на ее вопрос.

— Этот джентльмен — очаровательный негодяй. Он поцеловал меня прихоти ради. — Она нахмурилась, когда ее осенила темная мысль. — Или на спор. Думаю, он не из тех, кто готов остепениться и жениться на дочери барона.

Леди Арабелла опустила руку Оливии на плечо, чтобы та не уходила.

— Он вам нравится.

— Больше, чем он того заслуживает, — призналась Оливия и задумчиво улыбнулась. — Однако нет причин обо мне беспокоиться. Я не настолько глупа, чтобы подарить ему свое сердце.

— Мне кажется, я знаю, как зовут вашего таинственного поклонника.

Оливия закатила глаза:

— Я уже говорила вам, леди Арабелла, он не...

— Это лорд Кемпторн?

От удивления Оливия раскрыла рот и рассеянно потянула за край позаимствованной шали.

— Лорд Кемпторн? Моя дорогая, ваша дедукция вас подвела. Я никогда бы не поцеловала этого холодного напыщенного индюка, даже если бы его связали и нафаршировали черносливом, — от души засмеялась Оливия. — В горле пересохло, я бы выпила стаканчик пунша. Составите мне компанию? Я возвращаюсь в дом.

— С удовольствием, — ответила леди Арабелла. — У меня будет еще шанс отгадать имя вашего таинственного джентльмена.

— Он не мой! — возразила Оливия.

— Да-да! — ответила ее собеседница.

Шагая с Гидеоном по тропинке в саду, Торн заметил вдалеке мисс Лидалл. Она прогуливалась под руку с леди Арабеллой, обе смеялись. Когда она успела подружиться с младшей сестрой Темпест? Он с ужасом осознал, что это еще одна ее связь с его миром, о которой он даже не догадывался.

— Что там? — спросил Гидеон.

Торн не хотел при Гидеоне упоминать имя мисс Лидалл.

— Ничего. Пойдем к матушке или хочешь зажечь фейерверк с отцом?

Глаза Гидеона загорелись от нетерпения.

— А ты как думаешь?

— Мне кажется, нечестно, если маркиза все веселье проведет в одиночестве, — ответил

Торн.

Он был уверен: зажигать фейерверки — гораздо безопаснее, чем вновь целовать мисс Лидалл.

Спустя три дня после приема у Фелстедов Оливия после обеда пересматривала счета в небольшой утренней столовой. Когда она закончит, то непременно вознаградит себя прогулкой по саду, чтобы почитать письмо от мистера Чонси. Она познакомилась с ним прошлой весной, и с тех пор они обменялись несколькими письмами после отъезда из Лондона. Если у этого симпатичного джентльмена и были какие-то романтические намерения, он с ними не спешил. В своем последнем письме он выразил желание встретиться с ней, когда снова будет в Лондоне. Поэтому она питала надежды. Оливия услышала негромкий стук — кто-то открыл дверь.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, мисс Лидалл. Лорд Девик требует вашего присутствия в библиотеке.

— Спасибо, Марта, — ответила Оливия, добавляя еще один пункт в гроссбух. — Передай отцу, что я приду, как только освобожусь.

Служанка замешкалась на пороге. Она была юной, лет шестнадцати, поступила на службу совсем недавно, поэтому изо всех сил старалась угодить своему хозяину.

— Его светлость предполагал, что таковым и будет ваш ответ, поэтому настаивал, чтобы я убедила вас, что дело безотлагательное.

— Миссис Хендерс ухаживает за своей захворавшей дочерью, и кто-то должен выполнять ее обязанности, — пробормотала Оливия, окуная перо в маленькую чернильницу и заканчивая записи. Она отложила перо, потянулась за коробочкой с порошком, посыпала страницу. — Хорошо. Закончу позже. Можешь передать его светлости, что я услышала его просьбу и уже иду.

Она взяла гроссбух и перевернула книгу, чтобы остатки порошка высыпались назад в коробочку.

— Я не хочу показаться неучливой, мисс, но если вы уже идете, не могли бы вы последовать за мной в библиотеку? — спросила служанка.

Оливия со вздохом поднялась, в последний раз встряхнув книгу.

— Наверное, ты права. Ступай по своим делам, Марта. Я уже иду в библиотеку.

Служанка сделала реверанс.

— Отлично, мисс, — ответила она и тихонько выскользнула из комнаты.

Оливия вложила узкую шелковую ленту в гроссбух и закрыла книгу. Стряхнула остатки пудры с пальцев, закрыла крышечкой чернильницу. Отец редко бывал дома днем, но из-за дождя ему пришлось изменить свои планы.

Она вышла из утренней столовой в коридор. До того судьбоносного дня, когда леди Грисдейл выйдет замуж за лорда Девика, хозяйкой здесь остается Оливия. Построенный в 1770-х годах Тревершем-хаус представлял собой длинное здание с фасадом а-ля римский Пантеон, с ионическим портиком и консолями над главным входом и окнами. Этот дом был не таким величественным, как Мальстер-Парк, возведенный в готическом стиле, но она обожала его невычурную элегантность.

Со времени смерти матери во внутреннем убранстве здания мало что изменилось.

Девушка находила успокоение в окружении мебели, ковров и картин, которые выбирала еще ее мать. Оливия была слишком маленькой, чтобы помнить леди Девик, но в музыкальном салоне висел ее портрет. Подбородок и вьющиеся каштановые волосы Оливия унаследовала от матери. На портрете женщина выглядела слишком утонченной и хрупкой для матери троих детей — двух сыновей и дочери. Последние роды забрали у нее все силы, она стала хворать, и болезнь в конечном итоге лишила ее жизни.

Оливия часто гадала, уберут ли портрет ее матери из музыкального салона, когда в Тревершем-хаус станет хозяйкой леди Грисдейл. Эта картина, разумеется, служила напоминанием о том, что лорд Девик любил и оплакивал другую женщину. Возможно, она недооценивает леди Грисдейл, но графиня казалась личностью, не склонной хранить память о чужом прошлом. Оливия не сомневалась: портрет матушки тут же снимут со стены и спрячут подальше, а потом о нем забудут.

Чуть больше усилий ей понадобится, чтобы избавиться от дочери лорда Девика.

Под ногами Оливии закрипела одна из широких дубовых половиц, когда она шла в библиотеку. Пол недавно помыли, но его следовало также поскоблить и все проветрить. Их экономка проследит за этим, вернувшись к своим обязанностям, когда Оливия с отцом уедут в Лондон. Девушка нахмурилась, заметив грязь и отпечатки лап у входа в библиотеку. Начинались следы у входной двери. Кто-то впустил в дом отцовских собак переждать дождь, но не позаботился убрать за ними.

Оливия оглянулась и увидела, что стоит в коридоре одна. А где же Хоппс? Обычно он велит одному из слуг помоложе приглядывать за собаками, когда они находятся в доме. Она постучала кулаком в дверь.

— Входите.

Оливия открыла дверь и вошла в библиотеку.

— Папа, ты Хоппса не видел? Дансер и Троунсер развели такую грязь в коридоре, — сказала Оливия, проходя мимо огромных стеллажей с книгами, стоящих у входа, и поворачивая налево.

Внезапно она остановилась, от удивления раскрыв рот.

Отец был не один. При ее появлении лорд Кемпторн и мистер Нитервуд поднялись с мест. Их кузен, лорд Фейрлэм, расположился у большого окна.

Две борзые лежали у отцовского стола, но при ее появлении подняли головы. Троунсер залаял, обе собаки встали на стройные лапы и завиляли хвостами, приветствуя хозяйку.

— Добрый день, милая, — произнес лорд Девик, виновато глядя на дочь. — Признаюсь, это я впустил собак в дом. Слишком поздно я понял, что у них грязные лапы.

Желтовато-коричневый Дансер сделал круг и бросился к Оливии, за ним последовал Троунсер.

— Не мог бы кто-то...

Собаки подбежали к ней раньше, чем присутствующие джентльмены успели отреагировать. Дансер встал на задние лапы, а передние взгромоздил на ее платье. Троунсер кружил вокруг Оливии, неистово обнюхивая ее юбку. Девушка понятия не имела, что его так заинтересовало. Она недавно была на кухне и, видимо, проходила мимо ароматной еды.

— Дансер, Троунсер! Ко мне! — строго приказал барон.

Ни одна из собак не послушалась.

— Фу, Дансер! — воскликнула Оливия, хватая пса за лапы, — казалось, что она с ним танцует. Было бы смешно, если бы не приходилось заирать лицо вверх, чтобы избежать

энергичного собачьего языка. — Сейчас не время для поцелуев, дурачок!

При слове «поцелуи» Троунсер тоже подскочил, поскользнулся и несколько раз упал на пол. С третьей попытки ему удалось удержаться на задних лапах. Оливия попятилась под весом обоих псов, которые едва не сбивали ее с ног.

— Кто-нибудь, помогите, пожалуйста! — взмолилась она и заметила, что близнецы Нитервуд бросились к ней. Различить их она в этот момент не могла.

Где-то позади смеялся лорд Фейрлэм, а лорд Девик криком пытался отогнать собак.

— Эй, вы оба, ведите себя как следует! — сказала Оливия, делая еще один шаг назад и натываясь на подставку с китайской фарфоровой вазой. — О боже! — У нее не хватало духу обернуться.

Подставка накренилась, великолепная ваза качнулась и полетела вниз.

Один из братьев резко бросился вправо и упал на колени, успев подхватить вазу, пока та не разбилась о пол. Собаки решили, что это новая игра, и залаяли.

Оливия снова толкнула расписную деревянную подставку, и та упала.

Второй Нитервуд — она до сих пор не могла их различить — схватил Дансера, поднял вверх и оттянул его от Оливии.

— Стоять! — скомандовал он. Пес заскулил и припал к земле.

Почуввав неприятности, Троунсер упал на передние лапы и завалился на бок. Он понюхал подол платья Оливии, а потом его черная узкая морда исчезла — пес уткнулся мордой в ее туфлю.

Троунсер вздохнул.

Оливия осторожно подняла глаза на стоящего перед ней Нитервуда. Из-за возни с собаками из его прически выбилось несколько волосков, и он выглядел всклокоченным. Спереди на платье девушки остались следы от грязных лап, и, скорее всего, от нее воняло псиной.

Стоящий перед ней джентльмен подмечал все детали.

— У вас талант притягивать неприятности, мисс Лидалл, — заметил он, пока все окружающие смеялись.

— Как и у вас, лорд Кемпторн, — беспечно ответила она и осторожно высвободила ногу из-под морды Троунсера. — Я знала, что всегда могу на вас рассчитывать.

«...что ты станешь свидетелем очередного унижения в моей жизни!»

Она слабо улыбнулась, обходя его и собак, чтобы поздороваться с отцом.

Торн покачал головой, устанавливая на место упавшую подставку.

— Держи, — сказал Гидеон, протягивая бело-голубую вазу Торну.

Тот повернулся к подставке и осторожно водрузил вазу на место.

— Ты уже закончил полировать спиной деревянные половицы?

Гидеон возмущенно уставился на Торна.

— Я же поймал вазу, разве нет? И никто даже не потрудился меня поблагодарить!

Черная борзая с белой отметиной на правом плече встала, направилась к Гидеону и начала облизывать ему лицо. Гидеон погладил животное.

— Довольно, Троунсер. Должен заметить, хоть кто-то в этой семье оценил мои усилия.

— Троунсер не единственный, кто оценил вашу жертву в виде собственного достоинства ради меня, — заверила мисс Лидалл, поворачиваясь так, чтобы видеть и лорда Девика, и Гидеона. — Эта ваза принадлежала еще моей прабабушке. Я никогда бы не простила себе, если бы она разбилась.

— Должен признаться, я впечатлен, — сказал Шанс, пересекая комнату и протягивая кузену руку. — Не ожидал от тебя такого изящества и прыти.

— По крайней мере не без должного стимула, когда, например, горят твои штаны, — поддразнил Торн.

— Или когда тебя преследует разъяренная толпа, — саркастично заметил Шанс.

Гидеон криво улыбнулся и ухватился за протянутую кузеном руку. Вновь оказавшись на ногах, он достал платок из внутреннего кармана своего сюртука и вытер обильно увлажненную щеку.

— Знайте, мистер Нитервуд, я считаю вас героем, — решительно заявила мисс Лидалл, чувствуя, что должна его защитить. Раздражение Оливии утихло, когда открылась дверь и появился дворецкий.

— Слава богу, Хоппс! Это ты! Я тебя искала.

Хоппс начал работать у Лидаллов десять лет назад. До этого он служил в огромном доме, где было шестнадцать детей. Старик любил рассказывать всем, кто был готов слушать, что надорвал себе спину, целыми днями карабкаясь вверх и вниз по лестницам. Он искал более спокойную работу, Тревершем-хаус показался вполне приемлемым местом, поскольку сыновей лорда Девика отослали учиться в школу.

И все же Торн не сомневался, что мисс Лидалл пару раз за эти годы испытывала терпение старого слуги.

— Прошу прощения, мисс, — извинился шестидесятилетний Хоппс. — Я увидел в коридоре грязь и пошел за тряпкой и водой, чтобы вытереть пол.

Мисс Лидалл обеспокоенно нахмурила брови:

— В отсутствие миссис Хендерс вы взвалили на себя все обязанности по дому. Хоппс, вам не следует мыть полы.

Дворецкий тяжело вздохнул.

— Мои колени уже не так крепки, как в молодости, но я еще не настолько стар, чтобы не справляться со своими обязанностями, — ответил он и тут же поджал губы, заметив грязь на ковре и полу. — И поясница побаливает, когда дождь идет.

Прекрасно зная все жалобы слуги, лорд Девик сказал:

— Хоппс, ты не должен всю работу делать сам. Пусть пол вытрет кто-то из служанок.

Лорд был слишком учтив, чтобы упоминать о том, что он сам был всего на год моложе дворецкого.

— Вы слишком любезны, милорд, — ответил слуга.

Мисс Лидалл благодарно взглянула на отца. Она приблизилась к Торну, плечи которого отчего-то напряглись, когда она махнула собакам.

— Мне кажется, собаки слишком обрадовались гостям. Не мог бы ты вывести их из комнаты, а потом уж подать напитки?

— Разумеется, мисс Лидалл. Скоро я принесу чай, — ответил Хоппс. Он хлопнул в ладоши, чтобы привлечь внимание собак. — Троунсер, Дансер... ко мне.

Дворецкий схватил Троунсера за ошейник, когда пес подошел поближе. Дансер наткнулся на мисс Лидалл, когда бежал за Троунсером к дворецкому, и девушка упала на Торна.

Он схватил ее за левую руку, чтобы удержать. Сторонний наблюдатель мог бы принять это за интимные объятия.

Оливия подняла потупившийся взор, в котором смешались робость, понимание и

смущение. Торн стоял с открытым ртом, очарованный этими васильковыми глазами.

— Прошу прощения, — прошептала девушка, высвобождаясь из его объятий. — Вы должны простить Дансера за игривость. Он решил, что сейчас получит угощение.

«Что ж, очень по-мужски. Интересно, какое угощение ты приготовила бы для меня?»

— Конечно, — ответил Торн, слова застряли у него в горле.

Мисс Лидалл кивнула и оставила его, чтобы отдать дополнительные распоряжения Хоппсу.

Несколько секунд Торн стоял, отвлеченный мягким покачиванием ее бедер. Испугавшись, что он слишком пристально рассматривает дочь лорда Девика в присутствии ее отца, он намеренно отвел взгляд и встретился глазами с Шансом. Губы кузена тронула улыбка, когда Торн проходил мимо, — как будто тот прочел его мысли.

Мисс Лидалл закрыла двери библиотеки и повернулась лицом к четырем оставшимся в комнате джентльменам.

— Папа, — произнесла она, подходя к отцу, — поэтому ты хотел меня видеть?

Торн и Гидеон подошли поближе, когда лорд Девик вернулся к письменному столу и взял написанное от руки послание.

— Да я уже и забыл, зачем тебя звал. — Барон протянул ей записку. — Наши гости были настолько любезны, что лично передали приглашение от леди Фелстед.

— Она дает очередной прием?

Торн сел и начал наблюдать, как мисс Лидалл с любопытством раскрывает приглашение от его матери. Читая его, она чуть надула губки. Он ожидал, что Оливия обрадуется приглашению маркизы, но молодой даме вновь удалось его удивить.

Она с серьезным лицом отдала записку отцу.

— Очень любезно со стороны леди Фелстед посвятить меня в свои планы, — равнодушно произнесла мисс Лидалл. — Однако я должна отклонить ее приглашение.

Торн попытался скрыть удивление от такого заявления.

Гидеон же не испытывал никаких угрызений совести, выражая свои чувства.

— Моя милая, если вы полагаете, что маркиза удовлетворится вежливым отказом, то явно ее недооцениваете.

Барон, прищурившись, взглянул на дочь:

[Купить полную версию книги](#)

Цикас, или саговник (Cycas), — вечнозеленое растение семейства замиевых, напоминающее пальму, с толстым коротким стволом и крупными перистыми листьями. — *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

Вид голосеменных растений класса саговниковых.

Тип традиционного танца, распространенный в Ирландии и Шотландии, а также музыкальный ритм, под который можно танцевать этот танец. — *Примеч. ред.*